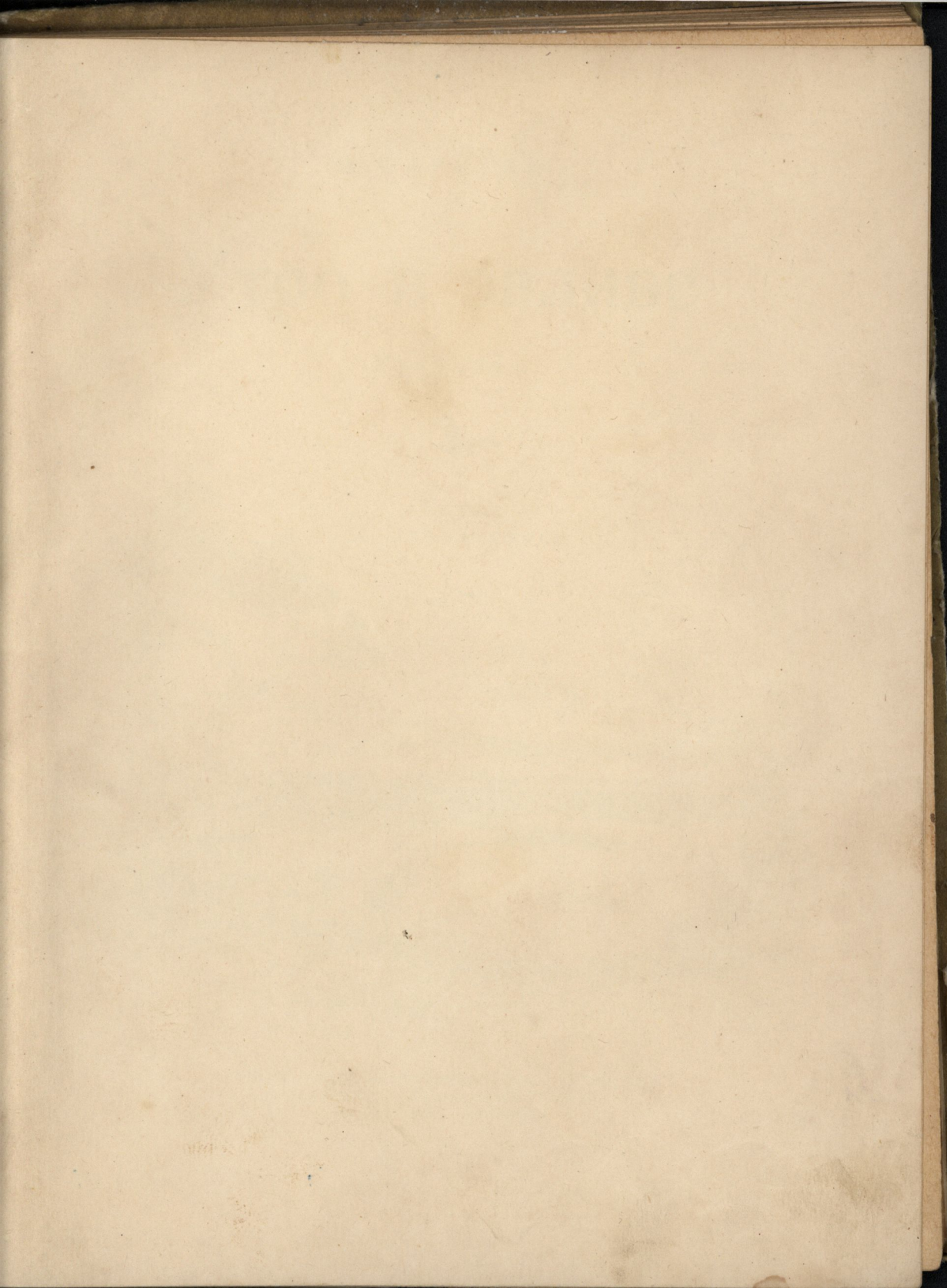

An artistic illustration of two shorebirds, possibly sandpipers or plovers, standing in a shallow, marshy area. The birds have long, straight bills and are facing right. The background features tall, thin reeds or grasses on the left and right, with a body of water reflecting the sky. The overall color palette is muted, with greens, browns, and greys.

М. Фарутин

**УТРО
В ЗАЛИВЕ**

ДЕТГИЗ 1953

М. ФАРУТИН

Утро в заливе

Р а с с к а з ы

Рисунки
Г. Никольского

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

ЗАЯЦ В ПОДТЯЖКАХ

Вы, возможно, не поверите, а у меня свидетели есть, которые подтвердят правдивость моего рассказа. Было это на окраине города Харькова, в Залютином яру, что проходит недалеко от Холодной горы. И надо же так случиться, чтобы в доме нашем жили пять охотников! Нас не удерживала никакая погода. Редкий выходной день мы не были на охоте.

Самым азартным из нас, охотников, был Матвей Муравей. Но он очень плохо стрелял, и хотя виду не показывал, но переживал это сильно. Предложить ему что-либо из добычи было невозможно — он каждый раз отказывался и даже крепко сердился.

А человек был хороший, и мы его очень любили. Тот, кто не охотился ни разу в своей жизни, никогда не упустит случая посмеяться над охотником. Смеялись и над Муравьём соседи из нашего дома, особенно соседки.

— А что, у Муравья опять ни пуха, ни пера? — говорили они.

А кто-то из мальчишек даже стихи сочинил:

...На охоте Муравей
Ходит словно журавель,
И не уток ему бить —
Лягушат в пруду ловить...

Он действительно напоминал собою журавля. Ноги длинные, нос длинный. Когда Муравей шёл, то как-то высоко поднимал колени и очень важно водил носом то в ту, то в другую сторону.

И вот в начале октября, когда первый лёгкий морозец пожелтил терновник и орешник, мы отправились в Залютин яр походить за зайцами.

Поохотившись вволю, мы собрались в условленном месте. И, как всегда, у Муравья опять не оказалось никакой добычи.

Посидели, отдохнули, посочувствовали Муравью и направились к дому.

Пробираясь через заросли орешника, мы услышали смех и детские голоса:

— Вовка, Вовка, а уши-то, смотри, как у кролика!

— Да не трогай, ему же больно!

— А губа-то верхняя из двух половинок.

— А усы длиннее, чем у кота.

— Ой-ой, за палец укусил!

— Вот так тебе и надо! Говорил же, не трогай.

— Вовка, а как же ты его так поймал?

— Так я же говорю: подошёл я к кусту, только хотел сорвать ягоды, а тут как затрепыхается кто-то! Я так испугался, что хотел бежать, да от страха и шагу не мог сделать. А потом, как увидел, и вытащил его за задние ноги.

На небольшой полянке мы увидели трёх пионеров. Один из них, Вова Заливайко, держал в руках дрожащего от страха небольшого зайчонка, которого он поймал в кустах терновни-

ка. Посмеялись мы все вместе над зайчонком и пошли домой, а Муравей, под предлогом набрать тёрну, остался с ребятами. На самом же деле он остался для того, чтобы купить у ребят этого зайчонка и вечером явиться домой с добычей: вот, мол, полюбуйте, Муравей тоже может стрелять.

Купил он у ребят зайца и, очень довольный, зашагал к дому. Но радость его быстро омрачилась. Ведь заяц-то живой и нестрелянный — кто же поверит, что он его добыл! И решил Муравей застрелить зайца, чтоб было всё как полагается. Но как это сделать? Пустить и потом стрелять он не решился: промахнет и, как есть, из рук упустит зайца. А когда ещё такой случай подвернётся!

Снял Муравей с себя подтяжки (верёвочки никакой не оказалось), связал ими зайца, положил его под куст и только бы совершить ему своё злодейство, как пришёл он в себя и начал думать:

— Что ж ты делаешь, Муравей! Как тебе не стыдно!

Муравей не только подумал это, но даже и громко сказал вслух... А от голоса его заяц встрепенулся, дёрнулся и с подтяжками на шее вдруг дал стрекача и исчез в кустах. И вот, остаться бы этой тайне между зайцем и человеком — так нет ведь, всё стало известно в нашем дворе.

Оказывается, не с руки зайцу щеголять в подтяжках — запутался он с ними в терновнике и снова попал в руки Вовки Заливайко, в тот же день.

Принесли вечером эти озорники зайца с подтяжками к нам во двор, и тут-то и выяснились все подробности приключения.

После этого житья не стало нам от соседей.

Только во дворе появишься с ружьём, как уж кто-нибудь кричит:

— Всё взяли, ничего не забыли?

— Да нет, — говорю, — как будто всё.

— А подтяжки?

Давно это было. И живу я теперь не в Харькове. И про зайца с подтяжками и даже про самого Муравья забывать стал. А недавно в метро подходит ко мне инженер-майор и, радостно схватив мою руку, трясёт изо всей силы:

— Здравствуйте! Что, не узнаете? Да это я, Вовка Заливайко!

— Что-то не помню, — отвечаю я.

— А Залютин яр помните? А зайца-то в подтяжках помните?

И хотя не со мной это, а с Муравьём было, но краска залила всё моё лицо.

— Тише ты, — говорю, — озорник! Смотри, здесь народу то сколько... Сам же потом с нами на охоту ходил...

— Ходил, — отвечает мне инженер-майор Вовка Заливайко. — Ещё как ходил!

И рассказал мне тут же, как пригодилась ему наша «охотничья наука» на фронте. И даже благодарил нас за то, что он

в своё время ради детского любопытства научился определять страны света по кроне, коре и пням деревьев, по муравейникам; тёмной ночью ходить по азимуту; зимой в лютый мороз разжечь в лесу костёр и устроить тёплый и уютный ночлег; научился, как с подручными средствами переправиться через реку, через непроходимые топи, как пройти неслышным и невидимым, скрадывая зверя, птицу; научился любить и ценить природу нашей Родины, краше которой нет во всём свете.

А я слушал и был рад, что наши охотничьи путешествия не прошли для Вовки Заливайко даром.

ПОСЛАНЦЫ ВЕСНЫ

Всё чаще и чаще ясные утренние зори. Всё теплее и теплее греет солнце к концу марта.

Края крыш домов разукрашены ледяными сосульками и блестят на солнце хрустальными частоколами. А к середине дня ты слышишь уже первую музыку весны — капель.

И вот уже почернела полевая дорога, зажурчали под снегом ручьи, а по дороге важно разгуливает белоклювый грач и проверяет работу весны: «Крх, крх!» Это значит: «Хорошо, хорошо!»

А сегодня — целое событие: к скворешне, что поставили соседние ребята Витя и Боря, прилетели скворцы.

Прилетели, посмотрели — понравилась.

Один сидит на дереве, другой — на палочке у летка, и вот

поют весну: то соловьиным посвистом, то галкою, а то овсянкой, ласточкой, и кажется, что они поздравляют нас с весной от всего пернатого мира.

А Витя и Боря сами, как два скворца, хлопочут около дома, любят на свою скворешню и не нарадуются на посланцев весны.

СКВОРЦЫ

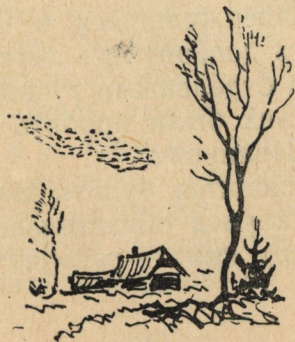
На зиму скворешню заняли воробьи. А в последних числах марта прилетели скворцы. Скворцы — к скворешне, а воробьи не пускают. И вот началась между ними потасовка. Упорно сопротивляются воробьи, но так же упорно насаждают и скворцы. Два дня длится схватка, а скворцы никак не могут выжить воробьёв. На третий день на помощь прилетела ещё пара скворцов — теперь на два воробья четыре скворца. Не выдержали воробьи — сдались, покинули скворешню. Сидят на крыше дома, нахохлились, лишь изредка переговариваются: «Жив?», — спрашивает один. «Жив, жив», — отвечает другой.

А скворцы принялись приводить в порядок квартиру. Оказывается, воробьи, готовясь к зиме, так утеплили её, что скворцы даже не могли войти. Скворешня была снизу доверху наполнена перьями, паклей, мхом, растительным пухом, коровьей шерстью, и даже попадались кусочки бумаги. Оно и понятно — ведь воробьи в ней зиму жили. А скворцам нужна

летняя просторная, прохладная, чистая комната. С утра до вечера скворцы очищали скворешню, всё вытаскивали из неё.

Так они работали без отдыха четыре дня и ночевали не в скворешне, а на дереве. На пятый день, после окончания непредвиденных работ, скворцы успокоились. С утра до вечера они на разные голоса славили весну... А потом замолкли — стали выводить птенцов. Вывелись наконец молодые скворчата, подросли, и в один из дней опустела наша скворешня.

К концу августа стаи скворцов носились с шумом над полями и сенокосами, готовясь к дальней дороге, и нельзя было узнать, которые из них «наши», а какие чужие. Но однажды в тихий, ясный осенний день, когда воздух напоён ароматом уходящего лета, к нашей скворешне на черёмуху опустилась, ведя между собой бойкий разговор, стайка скворцов. Их было семь: два старых и пять молодых. После короткого совещания они все по очереди начали осматривать скворешню. Первым вскочил в неё старый скворец, выскочил, что-то сказал и сел на крышу скворешни, затем то же проделали молодые, а потом вскочил в скворешню второй старый скворец, поменьше, — то, наверное, была скворчиха. Выскочила, тоже что-то сказала, и скворцы, убедившись, должно быть, что в их квартире нет непрошенных гостей, на разные голоса всей семьёй начали прощальную песню. Старый скворец в последнем колене своей песни цип-цибикнул щеглом, взмахнул крыльями, а за ним и все остальные, и полетели на юг. Мы долго смотрели им вслед, даже когда они совсем скрылись из виду.

ЖИВОЕ ЗОЛОТО

В этом году очень ранняя, тёплая и дружная весна. Бурной жизнью живёт рыбацкий посёлок. В последних числах апреля пришёл рыбак Пётр Иванович и торжественно объявил мне: сегодня-завтра карась выйдет, готовьтесь. При этом он сделал такое движение руками и туловищем, что, казалось, стоит в лодке и выбирает сеть с богатым уловом.

А утром, когда задержавшиеся в одном месте горизонта перистые облака чуть подёрнулись лёгким румянцем, а на кустах можжевельника отдельными тучками висел туман и лучи солнца ещё не в силах были пробить толщу леса, ко мне в окно постучал Пётр Иванович.

И жалко, но приходится будить Витю. Уж так договорились, что на ловлю карася обязательно возьмут его с собой.

— И не спится-то вам! — говорит мать, услышав наши сборы.

— Да какой тут сон! Пётр Иванович говорит, что карась вышел. Слышишь, мама, карась вышел! — говорит Витя. — Какой тут сон!

И оделся быстро, как по тревоге.

— Вот в школу — так иногда еле добудешься, а тут возьми ты его... Да осторожнее смотрите, а то будут вам караси! — напутствует мать.

Три зелёные дорожки потянулись сзади нас по белесоватому от росы лугу. Немного прохладно, но сейчас не до того. Впереди дымящейся лентой извивается река. Слева золотятся стволы соснового бора, справа раскинулось колхозное поле; молодые всходы зелёной щетинкой украсили вспаханную землю. А воздух чистый-чистый, дышишь и не надышишься. Сегодня в нём растворён весь аромат весны, он дрожит от несмолкаемой, нежной песни жаворонков.

А вот и Круглое озеро. Оно покрылось нежным облачком тумана, а лёгкий утренний ветерок чуть колышет это облачко, которое, неохотно покидая гладь воды, прячется в прибрежных кустах. Как будто на ночь озеро укрывалось туманным одеялом и спало тихим, мирным сном. А как только первые солнечные лучи коснулись его поверхности, оно проснулось и тихонечко снимает с себя ночное покрывало. Там, где кусты ивняка серо-зелёными шапками склонились к озеру, вода искрится серебряной рябью. Где тёмный ольшаник, чуть покрывшийся молодой листвой, неуклюже толпился по берегу — темнозелёная полоса широкой извилистой лентой легла на тихое плесо. А в озере отразились розовые перистые облака. Откуда ни возьмись, два бойких чирка со свистящим шумом упали на эти отражённые облака, на минуту замерли, как бы испугавшись, что нарушили утренний покой, а потом начали нырять и плескаться в розовой от зари воде.

— Карась — что медведь, — рассуждает Пётр Иванович: — лето гуляет, жир набирает, а зиму лежит в глубоких тинистых ямах или глубоко зарывается в ил.

— А долго он спит? — спрашивает Витя.

— Долго, — отвечает Пётр Иванович. — Вот считай: в зимнюю спячку он впадает в ноябре или в декабре, смотря какая осень, в холодную — раньше, в тёплую — позже, а выходит икру метать в конце апреля — в начале мая, опять-таки в зависимости от погоды. Да ведь и лето не всё гуляет, летом тоже впадает в спячку. А живучие какие! Как-то один раз, в жаркое лето, в высохшем озере я их выкапывал из дна с глубины пятьдесят-шестьдесят сантиметров, и ничего — живые. Или вот иногда наловишь, переложить сырым мхом, положить в подвал — и целую неделю живут, хоть бы что. В студёные зимы, когда вода промерзает в мелких водоёмах до самого дна, караси тоже замерзают, а придёт весна — оттают и опять оживут.

— Ох, как здорово! — сказал Витя, с удивлением слушавший рассказ Петра Ивановича.

Мы выбросили сеть около береговых камышей — излюбленное место весенних прогулок карасей. А потом вёслами и боталом начали будоражить воду от берега к сети.

— Сильней, сильней будоражьте! — кричит Пётр Иванович. — Ведь это лапти неповоротливые.

Я управляю лодкой и усиленно бью вёслами по воде, Пётр Иванович ширяет то справа, то слева длинным боталом, Витя хлещет по воде длинной палкой.

— Ну, хватит. Вот какую баню мы задали лапотникам! — утирая шапкой вспотевшее лицо, говорит Пётр Иванович. — Теперь будем выбирать сеть.

Наступает самый торжественный момент. Пётр Иванович склонился за борт, и к его ногам начала гармошкой ложиться сеть. Выбирает метр, два, три — ничего нет. Глаза наши не мигая впились в появляющуюся из воды сеть. Но вот в воде замелькал золотистый ромбик, за ним второй, третий, а затем много-много.

Мы все облегчённо вздохнули, наперебой друг другу что-то бойко говорим, а на дно лодки один за другим из рук Петра Ивановича падают крупные, почти квадратные, с золотистым отливом караси.

— А здорово мы их одурачили! Десятка три есть? — спрашивает Пётр Иванович, лукаво прищуря левый глаз.

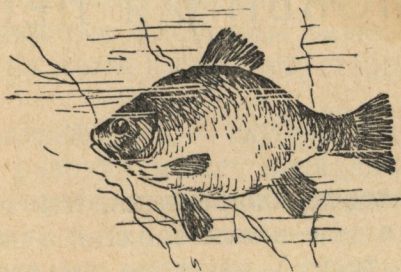
— Семьдесят пять штук взяли! — торжественно объявляет Витя.

Три раза забрасывали сеть, и дно лодки покрылось толстым слоем карасей, отливающих на солнце то медью, то золотом.

— Пётр Иванович, — говорю я, — а ведь действительно они похожи на лапти, сделанные из золотистой бересты.

— Точь-в-точь. Ведь не зря их так называют.

— А я бы их назвал знаете как? — говорит Витя. — Я бы их назвал «живое золото».

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЯ

Когда начал зеленеть боярышник, мы с сыном вечером, я — после работы, а он — после занятий в школе, отправились на вальдшнепиную тягу. У нас есть для этого одно место по Северной дороге, не доезжая Загорска.

Место это тем привлекательно, что, во-первых, недалеко от Москвы, а во-вторых, как только выйдешь из электрички — тут же направо начинается лес. Он тянется параллельно железной дороге и разделяется небольшим, но очень говорливым, бойким ручьём. По одну сторону ручья, что к железной дороге, — смешанное мелколесье: ольха, березняк, можжевельник, орешник и кое-где небольшие ёлочки; а по другую — хвойный лес.

В мелком березняке, на той самой поляночке, где пересекают друг друга две лесные дорожки и где мы всегда стоим на тяге, к нам подошёл охотник.

— Не помешаю я вам? — спросил незнакомец.

— Да нет, — отвечаю я. — Лес большой, места хватит, мы отойдём немного влево.

Но общительный народ охотники! Через минуту — знакомые, а через час — уже приятели.

Незнакомец оказался токарем одного из заводов Москвы. Звали его Калина Иванович, лет ему было на вид сорок пять — пятьдесят. И приехал он не на охоту, а слушать соловьиную песню.

— Не могу, — говорит он, — весной взять ружьё в руки. Как же так: птицы на родину прилетели, а их встретить выстрелом! Слышите, как они поют?

В это время недалеко от нас послышался звонкий, протяжный, призывный звук соловья: «Виид-карр, виид-карр, так-так, так, так, так...» Эти нежные, сильные, радостные, то не прерывающиеся, то отрывистые флейтовые звуки сразу наполнили лес. Калина замер на месте и слушает, стараясь не пропустить ни одного звука.

— Западный соловей поёт, — глубоко вздохнув, говорит он.

— А какая же разница между западными и восточными?

— У западного призывный звук, слышите: «виид-карр», а у восточного «глок-арр», а щёлканье медленнее, прерывается более длинными паузами, к тому же сильнее и звучнее.

Калина вынул из кармана небольшую дудочку и запел: «Глок-арр, так-так... так... так...»

Из дудочки полилась сильная, настоящая соловьиная песня. А певший соловей умолк, издав несколько раз неприятное «рээ».

— Сердится! — засмеялся Калина Иванович.

— Однако вы на своей дудочке не уступаете соловью, — замечая я.

— Все двадцать четыре строфы могу дать. Хорошим соловьём считается тот, чья песня содержит от двадцати до двадцати четырёх строф.

— А сколько же строф в песне этого соловья, который поёт?

— Восемнадцать, — ответил Калина. — Этот из прошлогодних выводков, ещё молодой. Слушайте внимательно. Он ещё иногда издаёт «фиид-кроэк», а это свойственно молодым, когда ещё не все голосовые связки хорошо работают. Ведь вы знаете, — продолжал он, — у соловья три пары голосовых связок: одна пара — в гортани и по одной паре — в каждой бронхе. Вот так, как устроена эта дудочка.

И он показал нам свою дудочку, которая представляла тройничок — рогатку со множеством дырочек.

Три пары голосовых связок — вот, оказывается, где секрет соловьиной песни!

Я попросил Калину Ивановича исполнить полную песню соловья с призывным звуком «глок-арр».

— Курского, значит?

— Да нет, — говорю, — восточного.

— Так ведь восточный — это курский и есть.

Калина Иванович удивился моему незнанию, но охотно согласился исполнить просьбу.

Он отошёл от нас недалеко, спрятался за куст можжевельника, и оттуда вдруг полилась то нежная, то громкая, то жалобно-радостная соловьиная песня.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Ещё когда первые сосульки появились по краям крыши на южной стороне нашего дома, Ваня и Саша прислали мне письмо, в котором они писали:

«...Дядя Миша, скоро опять весна, опять разольётся наша Нерская, а болото будет как большое озеро, прилетят разные птицы, затокут тетерева, приезжайте к нам на охоту. А тот кроншнеп с белым пятном на спине, за которым вы просили наблюдать, прожил всё лето и улетел на юг. Сегодня мы ходили на лыжах на Нерскую, но там столько снега, что даже трудно и представить, что под ним где-то течёт речка. Шалаш, который вы поставили под берёзой, стоит до сих пор, только он стал какой-то рыжий и издали похож на большой горящий костёр, какой мы жгли прошлой весной...»

«Эх вы, «ушастые зайцы», весну почуяли!» — подумал я, и прежняя тревога охватила меня, а во всём теле застучало: весна, весна, весна...

И вспомнил я прошлогоднюю весну в Подмосковье. Начало мая.

Тёплый солнечный день. Игриво шумит речка Нерская, почти убравшись в свои берега; болото, дымящееся лёгким туманом; берёзы, одетые в новые, как будто ещё чуть тесные, зелёные гимнастёрки; ели, усыпанные сплошь мягкими бархатными пуговками; кустарники ивняка, бело-изумрудными шапками обрамляющие Нерскую и как будто что-то шепчущие, прощаясь с уходящими водами; неумолкающая песня бекаса, серебряный звон кроншнепа; со свистом проносящиеся стаи уток, костёр на берегу Нерской; кипящий котелок, а у костра — я и мой постоянный спутник по охоте, Максим Петрович.

В тот день, усталые и довольные, мы возвращались по болоту к своему стану.

В кусте ивняка мы заметили двух мальчиков. Прижавшись друг к другу, они сидели и с неудержимым любопытством и

как будто с некоторой робостью смотрели на нас.

— Что вы здесь делаете, ушастые зайцы? — смеясь, спросил Максим Петрович.

— Ничего, — ответили они.

— А как же вас звать? Откуда вы?

Мальчики переглянулись. Один из них ответил:

— Меня — Ваня, а его — Саша.

— Ваня и Саша. Это хорошо. А откуда вы?

— Из колхоза «Борец», — ответил Ваня.

— А далеко ли ваш колхоз?

— Нет, недалеко: километра два-три. Слышите, трактор работает? — отвечают ребята.

— Ну, а здесь-то что вы делаете? Охотитесь, что ли?

Ребята немного смутились:

— Да мы так просто...

— Ну, как же просто! Пришли на болото за три километра, да ещё в выходной день, так просто!

— Мы юннаты, — сказал осмелевший Ваня. — Изучаем жизнь нашего болота.

— Юннаты? Ну вот, теперь ясно. Значит, мы с вами товарищи: мы тоже юннаты, — говорит Максим Петрович.

— Какие же вы юннаты! — засмеялся Саша. — Вы большие да с ружьями. Вы охотники.

Через полчаса мы уже подружились, сидели рядом у костра, а мальчики охотно, с детским азартом рассказывали нам о необыкновенном кроншнепе.

Оказалось, недавно они здесь видели кроншнепа с белым пятном на серо-пепельной спине, и между ними разгорелся спор. Ваня утверждал, что это такое оперение, а Саша говорил, что это просто на спину кроншнепу капнула ворона. И вот они пришли разгадать эту загадку. Рассуждали они так: если это такое оперение, то пятно будет и через неделю, а если это капнула ворона, то пятна не будет — его смоем дождём или кроншнеп очистит клювом.

— Ну, и как же, разгадали вы эту загадку? — спросили мы.

— Разгадали, — ответил Ваня. — Утром забрались мы в ивовый куст и всё ждали, когда подсядет к нам кроншнеп, а ведь эта птица очень осторожная. Но всё же часа через три он сел шагах в десяти

от нас. Ну, и оказалось, что это такие белые перья... А ты говорил, ворона капнула! — обратился он к Саше.

И вот от этих-то ребят, которых мы встретили в майский день в лесу, получил я письмо. Не выдержал и тут же звоню Максиму Петровичу:

— Знаете, от кого я получил письмо?

— Нет, — отвечает, — не знаю.

— Да от ребят, от ушастых зайцев! Весну почуяли. Пишут, чтобы обязательно мы приезжали — будут встречать, ждут.

— Вот ведь какие молодцы — не забыли, слово своё пионерское сдержали! — слышу в телефоне растроганный голос Максима Петровича. — В десять вечера буду у тебя.

И вот наступает апрель, мы едем к нашим ребятам. Поезд останавливается на станции «Крутое». Тёплая и тёмная, спустилась апрельская ночь, в воздухе — приятная испарина.

— А ребят-то ведь нет! — говорит Максим Петрович.

В его голосе чувствуются разочарование и обида.

— Да куда в такую темень им идти — завтра придут на Нерскую! — говорю я, желая успокоить приятеля.

И только начали спускаться с полотна дороги, как слышим:

— Максим Петрович! Дядя Миша!..

— Пришли, а? Пришли, ребята! Сюда, сюда!

Бегут запыхавшись, бегут.

— Сюда, ребята!

— Ну, здравствуйте!.. Да смотри, как они выросли! Эх вы, ушастые зайцы! — радостно смеётся Максим Петрович, обнимая их.

— Куда пойдём? В деревню или сразу на Нерскую? — спрашиваем ребят.

— Прямо на Нерскую. Мы уж и дров натаскали к шалашу, — отвечают ребята.

И мы идём по знакомой тропе.

— Ну, а как кроншнеп с белым пятном, прилетел или нет?

— Ещё не видели. Уже шесть прилетало, а того ещё нет.

Опять мы на открытии весенней охоты. Я, Максим Петрович, Ваня и Саша сидим у костра на берегу Нерской. Искры от костра поднимаются и тают в ночной тьме. Шумит Нерская; она сегодня в полном своём половодье. Максим Петрович очищает брусничник, из которого будем готовить «чай».

Уже и птицы все убрались на покой, только какой-то неугомонный бекас всё ещё пел свою немудрую песню: «Э... э... э... жи... жи... жи...», описывая дугу за дугой над нашими головами.

Наконец умолк и он.
Часа в четыре утра над головой раздался берущий за душу звук: «Тюх... тюх... тюх...тюх...»

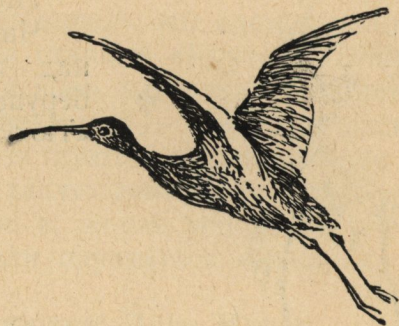
Это прошла первая стайка чирков.

— Надо собираться, — говорит Максим Петрович.

Отстояв утреннюю зорю, мы с ребятами возвращаемся к своему шалашу по болоту, покрытому водой, но ещё с замёрзшим дном. Вдруг из-за куста с криком поднимается кроншнеп, а на спине — белое пятно.

— Он, он! — кричим мы, перебивая друг друга, и как-то приятно и радостно становится на душе.

И он, значит, подал нам весть о новой весне!

ЗОРЬКА

Открытие осенней охоты — что за прекрасное время! Жара спáла, но ещё тепло. Воздух чистый-чистый; он напоён запахом созревших хлебов, конопли и свежего сена. Деревья стоят в полной своей красе, но уже на земле лежат пожелтевшие листья. Туман на луга ложится раньше и утром медленно тает под мягкими, но ещё тёплыми лучами августовского солнца.

Скворцы стабунились и озоруют на огородах, в садах и на хлебных скирдах.

Молодые выводки боровой, водоплавающей и болотной дичи поднялись на крыло.

Ночь. А в камышовых заводах идёт бойкий утиный разговор.

— Слышишь, как жируют! Славная охота будет завтра, — говорит Максим Петрович.

Зорька, лежащая у ног своего хозяина, беспокойно вертит

хвостом и чуть взвизгивает, широко раскрыв свои умные глаза.

— Хорошая у вас собака, Максим Петрович!

— Зорька-то? И цены нет: умница, охотник, друг, как говорится; только не говорит, а всё понимает. Вот и сейчас, видите, закрыла глаза — это потому, что про неё начали разговор, понимает... А рассказывал я вам или нет, что было с ней на первой охоте?

И Максим Петрович начал уже не раз слышанный мною рассказ:

— Три года назад я купил её у совершенно незнакомого мне охотника. Правда, он её сильно расхваливал, но ведь трудно верить. В первую же субботу я со своими друзьями отправился на охоту — мне очень хотелось испытать Зорьку. Но, как на грех, в воскресенье с самого утра пошёл сильный дождь, а в дождь — плохая охота: птица таится, да и самому не особенно приятно мокнуть. Всё же мы не выдержали и пошли. Походил я часа два, изрядно промок, а дичи никакой не видел. Зорька сначала пустилась в поиск. Поиск её мне понравился, но очень быстро, как говорят охотники, начала «плести лапти», то-есть идти сзади меня, прекратив охоту.

Возвращаюсь — уже кипит походный котелок, а мои приятели сушат на костре промокшую одежду.

«Ну, как охота? — спрашивают они. — А мы думали, что вы обязательно что-нибудь добудете, — ведь вы с собакой».

«Да, сегодня хоть с тремя собаками и то ничего не добудешь, — отвечаю я. — Сегодня дело не в собаках, а в погоде».

Я понял, что они просто хотят меня подзадорить, но, как ни странно, всё же запала мне мысль в голову: а может быть, действительно моя собачка — не охотник? Что-то очень быстро она начала «плести лапти».

И как раз в это время шагах в тридцати на сухую берёзу сел кобчик.

Я быстро схватил ружьё, вскинул и выстрелил. Кобчик упал в ивовый куст, разросшийся около берёзы.

Зорька вскочила, сделала несколько шагов в направлении куста и остановилась, повернув ко мне голову, как бы ожидая приказа. И хотя я знал хорошо, что кобчик — не дичь, я дал команду. Зорька бросилась в куст, но тут же возвратилась пустая.

Мои приятели снова за своё: ну, какая, мол, это собака, если на её глазах убита птица, а она не может её найти!

Я повторил приказание. Зорька с каким-то не то удивлением, не то с обидой посмотрела на меня и неохотно пошла обратно. И несёт кобчика, но как несёт! Она держит его за одно перо крыла зубами, брезгливо оттопырив губы, как бы не желая ими коснуться птицы. Идёт медленным шагом, с опущенным хвостом и, не дойдя до меня шагов пять, бросает кобчика, а сама убегает в ближайший березняк.

Я кинулся за ней, кричал, свистел, звал — всё напрасно: сбежала.

Так прошло около часа.

Дождь прекратился, выглянуло солнце; при дуновении ветра крупные капли тяжело падали с листьев деревьев. Настроение у меня и у моих товарищей было подавленное: пропала Зорька.

Мы сидели у потухшего костра и обсуждали этот нелепый случай, как вдруг из кустов с шумом выскочила Зорька, держа в зубах что-то большое и непонятное. Она быстро подбежала и с какой-то особой гордостью начала бегать вокруг меня.

В зубах у неё была охотничья сетка, а в сетке — две утки и патронташ. Мы стояли как поражённые громом, вопросительно смотрели друг на друга и на Зорьку. А у меня от радости даже слёзы навернулись на глаза. Как по уговору, мы развязали рюкзаки и все трое наперебой начали угощать Зорьку.

На второй день, возвращаясь с охоты, мы сидели на станции «Крутое», и каждый высказывал своё предположение о похищенной сетке.

За несколько минут до прихода поезда в помещение станции вошёл охотник. Окинув взглядом пассажиров, он, не задерживаясь, подошёл к нам.

«Ну, как поохотились?» — спрашиваем его.

«И не спрашивайте! — отвечает охотник. — Такая глупость приключилась вчера, что просто ума не приложу. Вышел я утром, а ведь сами знаете, какая погода была. В одном месте поднялась пара кряковых.

Я их взял, походил ещё немного, весь промок и решил на этом кончить. Развёл костёр, думаю: обсушусь немного, попью чаю — и домой. А сетку с утками и патронташем положил на пень, почти рядом с костром. И вот, верите или нет, никто не приходил, а сетка пропала — ну как сквозь землю провалилась!»

В этом месте своего рассказа Максим Петрович обычно

венно начинал смеяться. И мы тоже не могли удержаться от смеха.

Пока Максим Петрович рассказывал, успел вскипеть котелок.

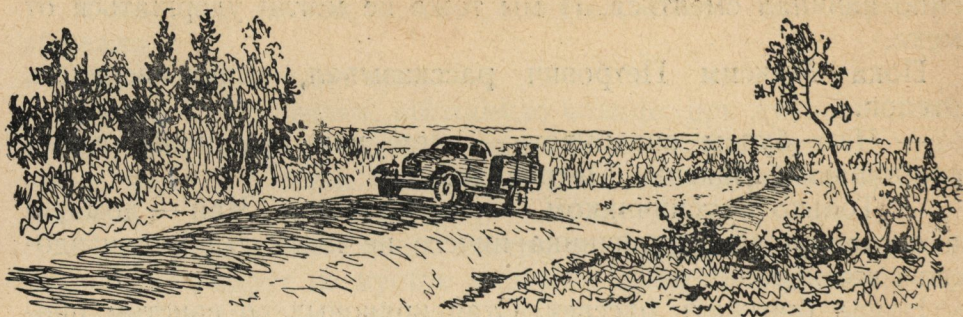
— Чем будем заваривать — чаем или брусничником? — спрашиваю я Максима Петровича.

— Только брусничником, — отвечает он. — Чай — дома, а на охоте лучше брусничника ничего не надо. Да и для здоровья это хорошо.

Начал брезжить рассвет. Стая кряковых со свистом прошла за камыши и тяжело упала на плёс.

Пора...

В БОЛЬШОЙ ЕЛАНИ

Золотисто-голубое небо огромной чашей опрокинулось над Москвой. Мы стоим у Ярославского вокзала со своими собаками, ружьями и тяжёлыми рюкзаками в ожидании отхода поезда и любимся высотным зданием.

— Ну как, Максим Петрович, хорошо?

— Хорошо!

— А что будет лет через десять?

— Через десять — и того лучше.

Группа любопытных, разглядывая наши охотничьи принадлежности, окружила нас. Каждый выказывает свои познания в охотничьем деле. Вот подходит какой-то гражданин и с видом знатока осматривает Зорьку — собаку Максима Петровича.

— Хорошая немецкая овчарка, только хвост почему-то калачом. Да и по какой же дичи с ней можно охотиться?

Взрыв хохота приводит его в некоторое замешательство.

— Какая же это овчарка? Это русская лайка. Эх ты, дядя! Тоже, знаток нашёлся! — говорит кто-то, минутой раньше назвавший нашу собаку сеттером.

Жалко, что Зорька не понимает человеческой речи, а то бы не поздоровилось им за эти оскорбления.

До отхода поезда пятнадцать минут.

Максим Петрович надевает Зорьке намордник. Не любит она его, но ничего не поделаешь: в вагон без намордника нельзя.

— Максим Петрович, вы же в санаторий собирались в этом году. Раздумали, что ли? — говорю я.

— Ну-ка, помоги лучше рюкзак поднять... «Санаторий, санаторий»! В санаторий больным нужно ездить, а мне зачем? — И двухпудовый рюкзак, как пёрышко, взлетает ему на плечи. — В санаторий как-нибудь на следующий год. А сейчас — прямо к Макару Ивановичу, в Большую Елань.

Шестьдесят километров от станции едем мы на попутной машине МТС. Три сельских совета нужно проехать, чтобы попасть в Большую Елань. Едем, как к себе домой. Уже названия населённых пунктов вызывают приятные воспоминания. Вот проехали Тигину, Чужгу, а вот и Огибалово, а от Огибалова семь километров лесной дороги — и колхоз «Искра».

Всего год не были в этих местах, но какие перемены! Тигинцы заканчивают электростанцию — новенькие столбы бережно несут провод в каждую деревню. Через реку Чужгу построен новый мост; на перилах медовыми каплями искрится смола... А вот и Большая Елань. Справа то блеснёт зеркальце воды, то опять скроется — это извивается река Тавенга. Слева показалась более широкая река, Вожега. По холмистым берегам обеих рек расположилось восемь деревень — колхоз «Искра». Подъезжаем к знакомому дому...

— Так и знал, что это вы едете! — радостно кричит Макар Иванович, подбегая к машине. — Ведь целую неделю жду... Ну, хорошо, что приехали. А дичи-то в этом году тьма-тьмущая! Весной я вас часто вспоминал. Эх, и тока́ были за Овся-

ной полянкой, аж лес шумел!.. Бывало выйду вот на крыльцо утром пораньше и всё слушаю, слушаю, а иной раз и сам запою.

Просторная изба чисто убрана, полы намыты до желтизны, постланы самодельные дорожки. На стене на видном месте — грамота за хорошую работу, обрамлённая с боков глухаринными крыльями, а сверху — хвостом тетерева.

Как всегда, на столе скоро зашумел самовар. Хорошо с дороги выпить крепкого чая! Сидим за столом, ведём самый обычный разговор: про дичь, про рыбу, про уборку картофеля, которая затянулась из-за плохой погоды.

В это время бойко хлопнула калитка. Кто-то мелькнул перед окнами. Два прыжка по лестнице, топот босых ног по коридору... Распахнулась дверь, и на пороге появился внук Макара Ивановича — Серёжа.

Мы невольно бросились к нему навстречу. Каждому из нас хотелось первому потискать Серёжу. Ведь не виделись целый год!

Максим Петрович достал из рюкзака никелированный горн и набор блёсен для ловли рыбы.

— Вот, Серёжа, это подарок от нас вашему отряду за хорошую учёбу и работу. Так и передай ребятам.

Серёжа смущённо и взволнованно принял подарки, а потом, как вихрь, вылетел из комнаты и, блестя на солнце горном, побежал к картофельному полю.

А вечером, когда северное сентябрьское солнце неохотно прощалось с уходящим днём, в деревню под звуки горна возвращался с поля пионерский отряд.

* *

*

На скотном дворе переполох. Шумят ребята. Слышатся их раздражённые голоса.

В чём дело? Ведь они только что шли туда с весёлыми песнями. Каждый из них нёс в кармане лакомство своей лю-

бимице: кто хлеб с солью, кто кусочек сахара, а Серёжа — большой турнепс.

Вот они шумной ватагой бегут к нашему дому. На их лицах удивление, испуг и тревога.

— Что там случилось-то? Эй вы, щеглы белоголовые? — кричит Макар Иванович, по пояс высунувшись в открытое окно.

— Да как же, дядя...

— Макар Иванович!

— Никогда этого не было...

— Чего смотрели пастухи?

— А ну, идите сюда ближе! Да говорите толком, кто-нибудь один, а то разжужжались, как шмели! Ну, говори, Серёжа. Да, никак, ты плачешь?

— Дедушка, Отрада не вернулась со стадом! — еле сдерживая всхлипывание, отвечает Серёжа.

— Она всегда впереди всех с пастбища возвращается!

— Наверно, в трясине завязла.

— А может, медведь задрал! — кричат, перебивая друг друга, ребята.

— Отрада не вернулась? — Лицо Макара Ивановича приняло озабоченный вид. — А где паслось стадо?

— За Сырями, за Сырями, — хором отвечают ребята.

— А пастух где?

— Пастух ещё не возвращался. Подпасок передал, что он остался в лесу искать Отраду.

— Ну, вот что, ребята, слезами делу не поможешь. Подождём пастуха — возможно, он её найдёт и пригонит. Всё равно теперь идти искать поздно: пока дойдём до леса — будет темно.

— Отрада не вернулась... Это корова умная и сильная, — как бы про себя, говорит Макар Иванович. — На сук напоролась или ногу повредила — это ещё полбеды. Боюсь, не попала ли она в медвежьи когти. И Отрады жалко, и ребят жалко... Ведь эти озорники, — обращаясь к нам, говорит старик, и довольная улыбка пробегает по его лицу, — взяли шефство

ещё над телятами, а теперь это лучшие коровы нашей фермы. Их доярки так и называют: «пионерки». Сколько трудов на них положили ребята! Ведь дня не пройдёт, чтобы они не были на скотном дворе. И вымоют их, и вычистят, и стойло убьют, и проверят, правильно ли и во-время ли их накормили. Ведь вот, как из школы придут, так сразу и бегут на ферму. Смотришь на них, и ещё больше жить хочется. Эх, прожить бы ещё годков десять-пятнадцать!

— Что вы, Макар Иванович, вам ещё жить да жить! — отвечаю я.

— Да я ещё ничего, силу чувствую, только вот глаза сдали. Взять, к примеру, сегодня: ведь тетерев-то из-под ног поднялся, а я раз-раз — и мимо! Перезаряжаю ружьё, а сам думаю: «Ты ли это, Макар?» Но правда, по сидячей ещё промаха не даю.

Вслед за ребятами прибежали две доярки. И вот хлопочут, вот хлопочут — расшумелись не меньше ребят. Они твёрдо решили, что Отрада попала к медведю. Доводов, какие им приводил Макар Иванович, и слушать не хотят. А одна из них, что помоложе — Дарьей звать, — не особенно дружелюбно посмотрела на нас и как бы в сторону кому-то говорит:

— Ходят вот, птичек стреляют, а нет, чтобы делом занялись да медведя убили! А то прошлое лето Звёздочку задрал, теперь вот Отраду...

— Ну, ты, Дарья, не вводи меня во грех! Медведя убить — не корову подоить, — строго сказал Макар Иванович. — Попадётся — не помилуем, а с Отрадой ещё неизвестно что.

Не любит старый следопыт, если нелестно отзовутся об охотниках. Охоту он считает первым делом. Да и есть чем гордиться старику: на его счету восемнадцать медведей, шестьдесят волков. Лет двадцать назад один из соседей как-то в шутку назвал его бездельником, и с тех пор Макар Иванович руки обидчику не подаёт.

Поздно, за полночь, пришёл пастух в сопровождении ребят. Они не ложились спать, а дожидались его возвращения у но-

вой мельницы. У Макара Ивановича сидели в это время бригадир и животновод — они пришли к нему за советом и помощью.

— С ног сбился, — говорит пастух. — Кажется, всю поскотину обошёл, а Отрады нет.

Слушает следопыт пастуха и изредка спрашивает: «А в Чищении был? А по Хорёвке проходил?»

— Ну ничего, завтра найдём, корова — не иголка, — успокаивает дед.

Ребята облегчённо вздыхают.

— Ты уж, Макар Иванович, помоги нам! — просит бригадир.

— Чего тут упрашивать, дело общественное! Мы вот с охотниками да с животноводом попробуем найти её. Разве ребят ещё взять? Только с ними горя наберёшься: заблудятся, а потом их разыскивать придётся.

— Не заблудимся, дедушка Макар, не заблудимся! Возьми!

Рано утром наша экспедиция отправилась на розыски Отрады.

Пока шли полем и покосами, впереди были Серёжа, Вася и Лёня. Когда подошли к лесу, ребята остановились: во-первых, немного страшновато, а во-вторых, они знали, что Макар Иванович сейчас подаст команду, кому с кем и в каком направлении идти. Только Зорька давно уже скрылась в этом тёмном, густом, строгом и красивом северном лесу.

Распоряжения Макара Ивановича были коротки. Рассуждал он так: если пастух говорит, что Отрады он не видел с полудня, а в полдень стадо, как правило, придерживается реки Хорёвки, значит и розыски нужно вести вначале по Хорёвке.

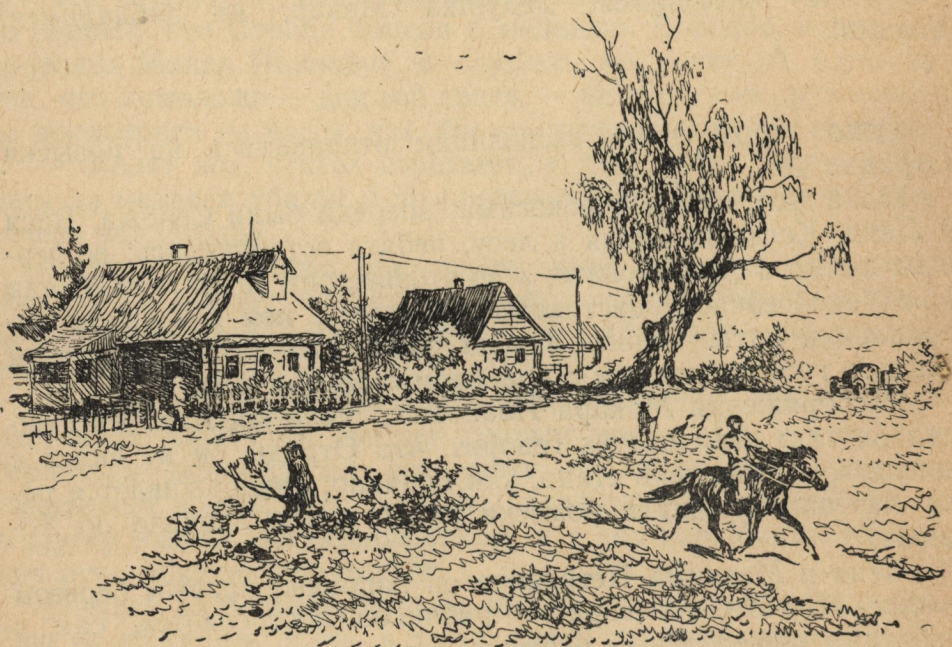
Меня и Максима Петровича он направил правым берегом речки: «Кстати, — говорит, — рябчиков постреляете», сам с ребятами пошёл левым берегом, а животновода просил осмо-

треть Чищение — место, куда любят заходить коровы полакомиться редкой по вкусу травой.

Пробираемся по берегу реки. Не так-то легко! Берег её зарос вековыми деревьями, завален буреломом, а там, где отступают ели, растут кусты ивняка, ольшаника, чёрной смородины, малины и трава выше роста человека.

Часа полтора пробираемся по речке. Зорька облаяла около десятка белок, но сейчас не время, труды её напрасны. Она и сама, наверно, понимает это, потому что долго не задерживается. Полает-полает и бросит, чего не бывает поздней осенью.

Вот справа от нас, где-то далеко, слышится упорный лай

Зорьки — лай, как по лосю, но на одном месте. А через некоторое время лай прекратился, и до нас долетела, перекатываясь по лесу, знакомая мелодия «сбора», которую неподражимо исполняет на стволах ружья Макар Иванович.

— Нашли, что ли? — ещё не видя Макара Ивановича и ребят, но слыша их голоса, кричим мы.

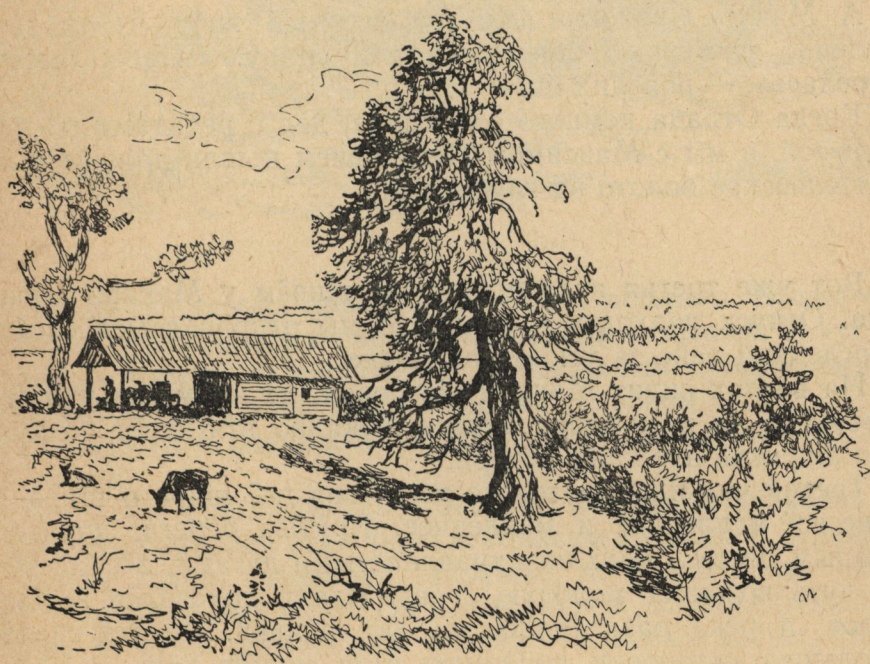
— Нашли! Идите сюда, — отзывается старик.

— Ну, как же ты так, Отрада! Бедная ты...

— Ой, как засосало! Только спина видна.

— Устала ты, бедняжка! — слышатся жалостные голоса ребят.

Подходим и видим: на краю небольшого болотца виднеют-

ся из трясины голова и спина большой, ярославской породы коровы. Серёжа бросил на трясину колья, подобрался к голове коровы и ласкает её. А она, обрадовавшись людям и особенно Серёже, старается своим шершавым, как щётка, языком лизнуть его.

— Мы уже прошли это место, — говорит Макар, — и вдруг слышим — сзади нас залилась Зорька. «На кого бы, — думаю, — она может лаять?» Подходим, а она лает на Отраду. Так что не мы нашли, а Зорька. Вот ведь молодец!

Лопатой, которую Макар Иванович смастерил из дерева, и топором начали делать проход в трясине. Лопатой отрываем землю, топором подрубаем корни деревьев.

Часа три прошло, пока мы освободили корову из трясины. Дрожит и еле на ногах стоит. Устала, промёрзла. Ребята нарывали ей сочной травы — ест, проголодалась.

А Макар Иванович скрутил толстый жгут из травы и усиленно растёр ей бока, живот и спину. «Чтобы быстрее согрелась», — пояснил он.

Когда Отрада немного отдохнула, дед с ребятами погнали её домой, а мы с Максимом Петровичем пошли дальше в лес, на Полевское болото за глухарями.

Вот уже третья неделя, как мы живём у Макара Ивановича. Отпуск подходит к концу. И мы отправляемся сегодня в последний рейс за утками на лодке.

На вёслах сидит Максим Петрович, на корме за рулём — Серёжа, а на носу стоит Зорька и жадно втягивает воздух в свои широкие влажные ноздри.

Третий час плывём мы по реке; она всё шире и шире, течение всё медленнее и медленнее. Крутые берега, поросшие хвойным лесом, сменились травянистыми лугами, лёгкий ветерок чуть колышет молодую отаву. Вдали показался зелёный остров, и река разделилась на два рукава. Хочется сделать небольшую остановку, поразмять ноги, попить чаю.

Зорька не стала ожидать, когда лодка подойдёт к острову.

метров за триста она прыгнула в воду и поплыла. Выскочила на берег, отряхнулась и скрылась в зелени камышей. И тут же в разных местах из зарослей с недовольным криком начали подниматься стаи уток и кружить над островом.

Вот тут-то и случилось то, что предрешило исход последней охоты.

Когда мы приблизились к острову метров на двадцать, из камышей поднялась стая чирков. Максим Петрович, сидевший на корме лодки, схватился за ружьё, но в это время чирки уже проходили над нами. Он приподнялся, вскинул ружьё, но почему-то хотел сделать шаг вперёд — наверно, забыл, что он находится в лодке, — споткнулся о сиденье и неуклюже — та-

кая громадина! — полетел за борт. Вдобавок ещё ногой зацепил за рюкзак и тоже вытащил его из лодки.

Максим Петрович погрузился в воду, а рюкзак, как большой поплавок, то всплывёт, то исчезнет под водой, судорожно подёргиваясь.

«Попался, — думаю, — сом ты эдакий!»

Помогли Максиму Петровичу выбраться на берег. Оказывается, было не так глубоко, но рюкзак, прицепившийся ремнями к его ногам, не давал возможности встать.

Ну и смеялись же мы, когда опасность миновала! Особенно смеялся Серёжа — он от смеха не мог стоять на ногах. На шум прибежала Зорька. То ли не разобравшись, в чём дело, то ли от радости, что всё благополучно обошлось, она начала с лаем носиться около нас и кататься по земле. Может быть, по-собачьи это было выражением неудержимого смеха?

Что выкупался охотник в осенней воде, в этом ничего страшного нет. Посиди час у хорошего костра — и всё забыто. Но мы допустили большую ошибку: забыли позаботиться о рюкзаке, хотя он и был вытащен из воды. А когда спохватились, то было уже поздно. Бумажные гильзы патронов раздулись, как сардельки; чай, сахар, соль, папиросы — всё размокло. Самое главное, мы остались без патронов, а с одним патронташем, что был на мне, на озеро ехать незачем.

Погоревали, подсадовали и решили заняться рыбной ловлей. Хорошо, что с собой были блёсны!

Вечерняя заря удалась как нельзя лучше. Щука и окунь будто только и ожидали нашего приезда — одна поклёвка следовала за другой.

Мы так увлеклись рыбной ловлей, что уже не жалели, что не пришлось поохотиться на уток.

Утром дул не сильный, но попутный ветерок, и мы за четыре часа под парусом благополучно возвратились в «Искру».

Последний день в Большой Елани, завтра уезжать. Макар Иванович вытопил нам баню — без бани не отпускает.

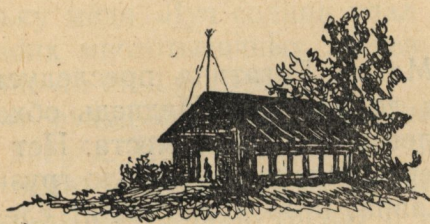
— У нас уж так заведено, — говорит он: — с дороги вернулся — в баню, в дорогу собираешься — тоже в баню сходи. Тело ведь чистоту любит. Попарься хорошенько — да в реку. Сколько здоровья-то сразу прибавится!

Возвращаемся из бани. Макар Иванович стоит у своего дома, окружённый ребятами, и поёт с ними песни, всё хорошие, бодрые песни.

Радостью наполнены глаза ребят. Эта же радость и в глазах Макара Ивановича.

— Вы знаете, — обращаясь к нам, говорит он, — всю жизнь люблю песни! Раньше пел, чтоб горе заглушить, а теперь жизнь пою.

А ребята уже направились к колхозному клубу, и в вечерней заре разливалась их пионерская песня.

ТРЁХЛАПЫЙ

Третий день Макар Рогатина преследует зверя. Вторую лёжку обнаружил до полудня. Медведь обходит буреломы и гати, выбирая более проходимые места. Нет больше трёхметровых прыжков через валежник; тяжело грузнет в берег ручья передняя правая лапа; второй раз видит следопыт встречный трёхлапый след. Медведь устал.

— Смотри, — обращаясь к внуку Игнатке, говорит Макар, — заячьи приёмы начал делать. Присмотрись внимательно: след, что от нас, — правильный, ровный, а этот — этот совсем другой, как будто идёт вперёд, а царапины от когтей — назад. Хитрить начал, задом пошёл. А вот и конец. След оборвался. Здесь он сделал прыжок в сторону. Задние лапы сильно ушли в грязь, медведь поднялся на них. А вот куски вывернутой земли. Земля отлетела влево от следов — прыжок сделан вправо. Понял?

— Понял, — ответил Игнатка.

В это время справа от них затрещали сучья, что-то захлопало, зашумело. Игнатка бросился к деду. Между сосен, задев крыльями ветви, с берега ручья поднялся глухарь. Как бы не замечая испуга внука, Макар говорит:

— Глухарь на гальку пошёл. Скоро выпадет снег.

Четыре года назад Макар Рогатина, старый медвежатник и следопыт, в июльское утро обходил капканы. Осторожно приближался к месту привады.

Но вот он остановился на полушаге — впереди молодая осинка, примятая к земле, белела изнанкою листьев.

— Прошёл, — прошептал Макар.

Нервная дрожь передёрнула его плечи. А кругом тихо-тихо. Вот откуда-то выпорхнула синичка с длинным червём в клюве, села на сухой сучок сосны, беспокойно вертит головой и подозрительно, с испугом смотрит на охотника. Прожужжал шмель, сел на розовый цветок и хлопотливо ищет в нём где-то затаённую капельку мёда. Луч солнца упал на муравейник, и он закипел от своих многотысячных хозяев. Капельки смолы покрыли края раны на стволе сосны.

Макар отводит рукой молодой ствол черёмухи, с напряжением смотрит вперёд. Не в первый раз он здесь, но то же самое волнение охватило его. У места привады — изрытая земля, измятая и пережёванная трава; с корнем вывернута переломанная в нескольких местах, окровавленная молодая ель; а вот клочья темнубурой шерсти.

«С вечера попался», — думает Рогатина.

Широкий, как дорожка, потянулся окровавленный след по заросли леса. Макар осторожно, не торопясь идёт по следу, читая грубым почерком записанное ночное событие.

Опять медведь остановился, стараясь избавиться от нестерпимой боли в ноге и тяжёлого капкана. Кольцами лежит примятая трава, вырванные с корнями, поломанные молодые деревья...

— Не уйдёшь! — говорит Рогатина.

След повёл к бурелому. Охотник взвёл курки. Останавливаясь через два-три шага, прислушиваясь к малейшему шороху, он каждую секунду ждёт встречи. Но что такое? Рогатина остановился. Лицо его перекошилось; он отшатнулся назад, левой рукой судорожно протирая глаза, — перед ним на корне вывернутой ели лежал капкан, а из капкана беспомощно торчала медвежья лапа с растопыренными когтями. Стальные скобы капкана испещрены следами зубов.

— Отгрыз! Отгрыз лапу! — вырвалось у Рогатины не то удивление, не то обида.

Три дня Рогатина разыскивал зверя. Никак он не мог мириться с мыслью, что не найдёт его.

«Виданное ли дело! — рассуждал следопыт. — Ведь не цапаина от выстрела — лапы передней нет по самое колено! Куда же он мог деться? Ведь вот, лежит где-нибудь, кровью истекая. Был бы жив Серко, не ушёл бы ты от нас!»

Ходит Макар по лесу, обследуя буреломы, чащобы. Прислушивается, но не слышит ни крика ворона, ни стрекотанья сорок — первых вестников падали.

Неохотно возвращается медвежатник домой, спрятав в сумку, чтобы никто не увидел, странный трофей. Восемнадцать медведей взял за свой век, один на один с рогатиной хаживал, за что и прозвище получил, а такого случая не бывало.

До поздней осени продолжал охотник розыски, но всё напрасно, медведь пропал...

На четвёртое лето Макар увидел в лесу трёхлапый медвежий след. Капельки холодного пота, как роса, покрыли лоб медвежатника.

«Как так — жив, выходит? Ничего не пойму! Да как же это? Ведь кровью бы истечь должен, с голоду помереть, — рассуждал Рогатина. — Человеку и то трудно без ноги, а как же он!»

...Вторая половина дня. Сентябрьское солнце грустно золотит стволы сосен. Полураздетые осины завели и никак не кончат бойкий разговор. Беззаботно пересвистываются рябчики. Как хороший доктор, дятел заботливо обследует деревья снизу доверху, выстукивая и выслушивая их. Зрелые кисти калины манят своей красотой. Темнокрасная брусника нежится под осенним солнцем.

— Добрый ураган, должно быть, прошёл — смотри, какую сосну сломал! — говорит Макар внуку, ударяя ногой по стволу сваленного дерева.

В это время совсем неожиданно в кроне дерева что-то зашумело; затрещали сучья, сосна вздрогнула. Рогатина отскочил назад и вскинул ружьё. Из ветвей сосны показалась голова, а затем туловище матёрого медведя. Правой передней лапой он упёрся в ствол, а культи левой судорожно подёргивалась. Рогатина выцелил между глаз — и только бы нажать гашетку... но глаза охотника и глаза медведя встретились. Не страх и не злобу прочёл в них Макар, а презрение.

Опустил ружьё старый медвежатник...

Заковылял трёхлапый и скрылся за деревьями, в пожелтевшем папоротнике.

СУХОЕ ОЗЕРО

Вначале мы хотели краем леса пройти на Сухое озеро, но шаг за шагом всё дальше и дальше уходили в глубь болота.

Принято думать, что болото — это непроходимые топи, непролазная грязь, где стелется чахлая и однообразная растительность, а обитатели его — какая-нибудь пара неприхотливых куличков.

Нет, северные болота — это совсем другое.

Чего стоят одни их названия: Морошковое болото, Клюквенное болото, Голубичное болото, Глухариное болото, Медвежье болото.

Мы шли на Сухое озеро шук ловить на блесну. Мне было непонятно название озера. Озеро — и вдруг сухое; сухое — и почему-то озеро. Если сухое болото, сухой луг — это ясно, но сухое озеро — это никак не укладывалось у меня в голове. Спрашивать объяснения я не стал. Ведь спросить никогда не поздно. «Может быть, — думал я, — приду на озеро — и станет понятно, почему оно называется Сухим».

Было это в двадцати километрах от деревни Ломоносово — той самой деревни, где два с половиной века назад родился и рос до пятнадцати лет великий наш предок, Михаил Васильевич Ломоносов.

Шли мы по узкой, глухой таёжной тропке, то и дело пересекаемой или ручьём, или сваленным деревом. Сосны и ели настолько теснились одна к другой, что их кроны не давали солнцу заглянуть в глубь тайги.

Редко-редко увидишь жёлтого зайчика на густо разросшемся папоротнике — это, значит, солнышко нашло дырочку в шапке деревьев.

Впереди шёл Вася, тринадцатилетний пионер, сын колхозника — охотника и рыболова. Отец был занят на полевых работах, и Вася сопровождал нас на озеро.

— Не заблудимся мы с ним? — спросил я хозяина.

— С Васькой-то? Да он лес-то лучше меня знает.

И вот Вася идёт впереди нас и всё время насвистывает, гордый и довольный тем, что он сопровождает охотников по тайге. Да куда! К Сухому озеру, куда не всякий взрослый из их деревни знает дорогу. За ним иду я, а сзади — известный уже вам Максим Петрович. Собака его, Зорька, мечется из стороны в сторону; то тут, то там мелькает в зарослях папоротника её «баранка».

— Слушай, а не заведёт нас этот «Соловей-разбойник»? — спрашивает Максим Петрович, еле удерживаясь от смеха.

— Да нет, — отвечаю я. — Ты посмотри, как он уверенно всё время идёт. Ему здесь, по-моему, всё так же знакомо, как нам с тобой на Неглинной, около охотничьего магазина.

— Вася, а далеко ещё до Сухого? — не выдержав, спрашиваем мы.

— Теперь скоро, — отвечает Вася. — Километр до болота да по краю болота с километр — и озеро.

Зорька подбежала ко мне с опущенным хвостом и поднятой шерстью по всей спине и жмётся к моим ногам, пугливо озираясь по сторонам.

— Э-ге-ге, гоп, гоп!.. — закричал Вася.

— Чего ты кричишь?

— Да поугагать немного, совсем где-то рядом ходит. Смотрите, что с собакой-то делается, — молодая, наверно, ещё. А медведей здесь много, особенно около болота, потому его и называют Медвежьим.

— А тебе приходилось здесь одному хаживать? — спрашиваю я Васю.

— Приходилось: то отцу хлеба приносишь, когда он здесь рыбачит, то рыбу домой несёшь, — отвечает он.

— Ну и как, не боишься?

— А кого бояться-то?

— Да медведей-то.

— Не, не боюсь. Медведь человека боится больше, чем мы его. Как услышит — обязательно убежит.

Маленький следопыт с каждой минутой всё больше и больше нравится нам.

Сквозь деревья виднеется солнечная поляна. Вася останавливается на берегу ручья и подзывает нас:

— Смотрите, только что прошёл!

На глинистом берегу небольшого таёжного ручейка — большой медвежий след; тоненькая струйка воды стекает в него. Солнечная поляна, которая открылась перед нами, — это и было Медвежье болото. С трёх сторон его окружала тайга, а впереди раскинулось темноглубое, чуть серебрящееся под августовским солнцем озеро.

Болото было выстлано толстым слоем беловато-розового мха. Карликовые сосенки, как зелёные грибочки, дополняли эту чудесную картину.

Идёшь и по колено погружаешься в этот моховой душистый ковёр.

По всему болоту как будто кто рассыпал янтарно-жёлтую морошку и розовеющую клюкву. Лакомясь морошкой и голубикой, мы углублялись шаг за шагом в болото и всё ближе и ближе подходили к озеру.

Вот мы и на берегу Сухого озера. Оно имеет продолговатую форму: с километр длины и с полкилометра ширины. По

одному берегу к нему плотно подступила тайга, по другому — болото. Зелёные камыши с тёмными бархатными шишками укрывают от глаз плесá с жёлтыми и белыми лилиями.

Третий день живём на Сухом озере, изъездили его вдоль и поперёк.

Вася показал себя незаурядным рыболовом. Он точно

знал, где и когда берёт щука, а где окунь. Кроме того, он был неплохим знатоком в приготовлении нехитрых охотничьих блюд.

В первый вечер, когда мы начали готовить окунёвую уху, я стал счищать с окуней чешую. Это заметил Вася и с удивлением спросил:

— А зачем вы счищаете чешую? Ведь в окуне весь вкус в чешуе!

Мы с Максимом Петровичем недоверчиво переглянулись, однако послушались Васю и сварили окуней в чешуе. И уха была просто объедение! С тех пор, если мне приходится варить окунёвую уху, то только с чешуёй. А щука была в Сухом озере, какой я не встречал нигде: спинка чёрная-чёрная, а живот и бока золотые.

К вечеру второго дня пришёл на озеро и Иван Васильевич, отец Васи.

— Помогать, — говорит, — добычу нести пришёл, — а сам смеётся. — Ну, как дела-то, горе-рыбаки?

Мы показали свой улов.

— Ого-го, да что вы натворили! Тут и впятером не унесёшь, — удивился Иван Васильевич, глядя на нашу добычу.

А вечером, когда мы сидели в шалаше и не торопясь пили чай с морошкой, делясь впечатлениями о так славно проведённых днях на озере, я спросил Ивана Васильевича, почему такое большое и глубокое озеро называется Сухим.

— Видите, — говорит Иван Васильевич, — Сухое озеро небольшой, метра в два ширины, речкой соединяется с озером Светлым, которое находится от Сухого озера в четырёх километрах. И вот ровно через десять лет, в ноябре месяце, вся вода из Сухого озера уходит по этой речке в Светлое озеро, и Сухое озеро остаётся без воды на всю зиму. Вот поэтому его и называют Сухим. А весной озеро снова наполняется водой и держит её десять лет, а потом опять — через десять лет и, что характерно, именно в ноябре месяце — отдаёт всю воду Светлому озеру.

— Любопытное ваше озеро! — говорит Максим Петрович, подбрасывая в костёр дрова.

— Очень даже любопытное. Но почему так происходит — не знаем. Говорят, что это связано с какими-то отливами в Белом море. Может быть, и так.

В это время Зорька со злобным лаем бросилась в темноту, но тут же остановилась, не решаясь покинуть костёр.

— Медведь на водопой пришёл, но это на той стороне озера, — совершенно равнодушно поясняет Иван Васильевич. — Вася, принеси-ка холодненькой водички.

Вася схватил котелок и, подзадоривая Зорьку, скрылся с ней в ночной тьме.

КУВА́ И КУКУ́

Интересные птицы — кеклики. Их ещё называют горные куропатки или горные курочки. Живут они на склонах гор, а жируют на хлебных полях и проезжих дорогах. Голова и спина пепельные, грудка и живот светлокоричневые, по крыльям чёрные полосочки, на светлых щёчках чёрные пятнышки, клюв и лапки красные. Для горной местности лучшего оперения и придумать нельзя.

Идёшь по горам, и вдруг почти из-под ног с шумом поднимается и разлетается в разные стороны стая кекликов. Перелёт делают небольшой — метров сто-двести, а потом начинают переговариваться между собой: «кува́-куку́, кува-куку» — и сходятся опять в стайку. И вот именно, что сходятся. Летать они не любят. Летят только вниз с горы, а на ровном месте или, особенно, в гору только бегут, да так проворно, что за ними не угонишься. величиной они с обычную серую куропатку.

Утро. Слева в голубой дымке — отроги Заилийского Ала-Тау, справа на сотни километров тянется Заилийская долина. Кое-где в кустах саксаула задержался гонимый ветром снег.

Отдельными островками он искрится в утренних лучах январского солнца. А в голубом морозном небе тоже отдельными островками висят, как огромные глыбы снега, кучевые облака, и не поймёшь, то ли долина отразилась в зеркале неба, то ли небо отразилось в зеркале долины.

Осторожно пробираемся по крутому берегу бойкой горной речки, к вероятному месту жировки кекликов. Там за поворотом летом была пшеница.

Мой приятель, колхозник Жамангул, идёт впереди. Удивляюсь лёгкости его походки. Вот он делает мне знак рукой, что значит: тихо.

— Услышали, — говорит Жамангул.

Со всех сторон несётся по утреннему морозцу приятное квохтанье:

«Кува-куку, кува-куку, кува-куку...»

— Перехитрили! — смеётся Жамангул, показывая на противоположный берег ручья.

А там их действительно целая сотня, не меньше. Они ловко и быстро бегут по скале.

А на месте жировки бьётся и никак не может взлететь одна курочка.

— Опять кто-то силки расставил, — досадует Жамангул.

Волосной силок туго стянул ножку. Почернела и безжизненно висит лапка.

— Пустить? — спрашиваю Жамангула.

— Пустить не надо, пропадёт.

Дома отнял я ей омертвевшую лапку. Смазал иодом культю и перевязал бинтиком.

Заживление прошло хорошо. Только долго она не могла научиться прыгать на одной ноге. Но наконец привыкла и перестала падать.

Большую часть времени проводила она на печке. Полетает по квартире, попрыгает по полу — и опять на печку. Печка в моей квартире была для неё самой высокой скалой. Взлетит она на печку и ещё вверх смотрит. Но выше только потолок.

Оправилась моя больная совершенно. По утрам нет-нет, да и заохочет: «Кува-куку, кува-куку...» Наверно, ей ветер приносил с гор голос подруг.

— Отпустить? — спрашиваю жену.

— Конечно, отпусти. Видишь, как она скучает.

Вынес я свою Куву — так мы её звали — во двор. А во дворе мороз и снег глубокий. В феврале это было.

— Ну, — говорю, — лети!

И пустил.

Полетала она над домом, а потом села в огород и ну купаться в снегу. Уж мылась она, мылась, кажется каждое перышко снегом протёрла.

Вымылась, вспорхнула и полетела, но не в горы, а в коридор. И только я открыл дверь в квартиру, как она шмыг — и на печку!

— Что, не хочет? — спрашивает жена.

— Как видишь, — говорю. — Опять на своей скале.

С тех пор ежедневно Кува выходила на прогулку, только не через дверь, а через форточку.

Вылетит, полетает-полетает, покупается в снегу — и опять домой.

А тут случилось мне на охоте у ястреба отбить курочку. Курочка была еле живая. Привёз я её домой. Она не то что летать — даже ходить не могла: ястреб сильно её поранил. Левый глаз был закрыт, и кругом — засохшая кровь. Головка была вся испачкана кровью. А под левым крылышком вырваны перья, и большая рана, почти до костей. И вот сидит моя больная с закрытыми глазами и головку опустила.

— Не выживет, — говорит жена.

— Пожалуй, да, — отвечаю я. — А хорошо, если выживет, тогда им веселее будет.

Дело было вечером. Кува уже спала. Стоит на одной ножке и головку под крыло спрятала.

Взял я Куку — так мы называли вторую курочку — и посадил рядом с Кувой.

— Садись, — говорю, — рядом. Может, почувствуешь, что не одна, и легче станет.

Кува испугалась, отскочила в сторону и всё смотрит, смотрит на Куку, вытягивая шейку.

Вот что-то Кува спросила на своём языке. А Куку сидит, опустив голову, с закрытыми глазами, не отвечает. Тогда Кува приблизилась к Куку и всё расспрашивает, расспрашивает... и начала ухаживать за Куку: очистила все пёрышки от крови на голове, на крылышке. Прыгает на одной ноге вокруг Куку и всё говорит, говорит... А Куку лишь редко и жалобно отвечает.

Выключили мы свет, и умолкли наши питомцы.

А утром, чуть стало светать, на скале снова слышен бойкий говор Кув и хотя редкие, но более ясные ответы Куку.

Куку сидит уже с поднятой головкой, и один глаз открылся.

— Выживет, — говорит жена.

— Выживет, — отвечаю я.

Открыл я форточку, хотел, чтобы Кува слетала на прогулку, — не идёт, всё хлопочет около Куку. Подали мы завтрак: зёрен и воды в блюдечке. Кува угощает Куку, но той ещё, видно, не до еды: не ест.

Кува мокрым клювом коснулась клюва Куку, и капелька воды попала ей на клюв.

Куку почувствовала капельку и жадно защёлкала клювом. А потом одним глазом уставилась на блюдо с водой, которое ей, наверно, показалось маленьким озером, и начала пить и долго-долго пила. А на третий день зёрна клевать стала и открылся второй глаз.

А через две недели и Кува и Куку вместе на прогулку через форточку стали летать.

А по утрам в моей квартире, как в горах, всю зорю — на весь дом: «Кува-куку, кува-куку, кува-куку...»

Вот, думаю, дожил: в доме, а как на охоте.

А тут подошёл март месяц. Дружная весна как-то сразу прошла по всей Средней Азии. Шумят бурные горные реки. Задымились голубые горы. Гудит воздух от крика прилётных птиц. Беспокойнее стали мои пернатые и дольше задерживаются на прогулке. Куку всё скребёт на печке кирпичи и крутится на одном месте. «Не иначе, — думаю, — гнездо собирается вить».

А в одно утро что-то особенно бойко и долго они разговаривали и... не вернулись с прогулки.

ВАСЬКА

Часов в одиннадцать утра, когда солнце стояло почти в зените и настойчиво лило потоки горячих лучей в самые затаённые уголки ущелий, а раскалённый воздух невидимыми волнами обжигал наши лица, мы спускались по крутым скатам одного из отрогов Тянь-Шаня к Ключу жизни.

На небе ни одного облачка. Оно, как огромный голубой парашют, своими краями уцепилось за хребет Тянь-Шаня и вот-вот переполнится горячим дыханием гор, оторвётся и полетит.

Жарко. Жара истомила всё живое.

Горы молчат. Только высоко в небе парит орёл в надежде отыскать добычу да мы с Жамангулом, обливаясь потом, спешим к заветному ключу.

Сколько раз мы находили у него желанный приют, сколько раз утоляли жажду его студёной, прозрачной, чистой и вкус-

ной водой! Сколько часов просиживали мы около него в летние знойные дни!

Ни с каким напитком не сравнить его воду.

В конце ущелья, где оно прорывается в долину, из-под высокой нависшей скалы бьёт небольшой ключ. И кажется, что под этой скалой находится огромный резервуар, а скала охраняет его и бережно и экономно подаёт всё новые и новые порции.

Ключ жизни! Какой-то умный человек дал это высокое имя ему. И ключ с честью несёт его, возможно, уже не одно столетие.

— Смотри, какой пир здесь сегодня был! — смеясь, говорит Жамангул, показывая на множество различных следов около ключа.

Берег ключа испещрён следами. На песке видны ясные их отпечатки. Здесь были и архары, и тэки, и джейраны, и кеклики.

Какое счастье в жаркий, знойный день очутиться у такого источника!

Расположились мы в тени у самого источника, и, кажется, нет сейчас никого счастливее нас.

Жамангул дружески корит меня:

— Зачем прямо в гору идёшь? И силы напрасно тратишь и время. По горам надо ходить, как по винтовой лестнице, тогда и быстро и легко...

Но вот Жамангул поднялся и быстро побежал вперёд. Я спросил — что такое, но он ничего не ответил, а остановился, наклонился к земле и зовёт меня.

Среди увядших, высохших и пожелтевших степных маков лежал серо-коричневый, с чёрным ремешком по спине маленький, только что появившийся на свет козлёнок. Он лежал, плотно прижавшись к земле, положив свою мордочку на вытянутые передние ноги, как неживой, то открывая, то закрывая свои тёмные блестящие глаза.

Жамангул приподнял его. Козлёнок стоит дрожит, неуверенно опираясь на свои неуклюжие, с толстыми колен-

ками ноги. Постоял немного, упал и опять замер — ну как неживой!

— А где же мать? — спросил я Жамангула.

— Наверно, молодая и убежала вместе со стадом, зачуяв нас. Но она придёт.

Взяли мы козлёнка и принесли к ключу. Положили в тень на разостланную куртку и любимся. Вот он приподнял голову и заблеял: «Бэ-э, бэ-э-э!» — да таким басом! А сам он величиной с небольшого зайца.

— Козлик, — говорит Жамангул. — У козочки голосок нежный. А вот, смотри, два завиточка на лбу между ушами — в этом месте вырастут рожки.

Уже часа три прошло, а мать ещё не появлялась. Несколько раз Жамангул выходил из ущелья и смотрел, но матери не видел.

— Наверно, другим занялась и забыла про этого, — заключил Жамангул.

Везу я козлёнка домой и думаю: «Вот ребятам будет забава!»

Жена посмотрела и говорит:

— И не знаю, как тебе хочется мучить животных! Ну зачем привёз? Что мы с ним будем делать?

Я постарался объяснить, что оставить было нельзя, что мать куда-то исчезла, а вечером его всё равно шакалы бы съели.

— Ну, уж если так, то ладно.

А козлёнок ходит по комнате, как на костылях — ещё плохо слушаются его ноги, — и блеет: «Бэ-э, бэ-э...»

— Есть, наверно, хочет, — говорит жена. — Но как его кормить?

Налил в блюдце молока, поднёс к мордочке — не пьёт. Тогда я окунул палец в молоко, сунул козлёнку в рот, и он принялся сосать палец.

— Всё ясно, — говорит жена. — Сейчас накормим.

Взяли мы бутылочку, налили в неё тёплого молока, на горлышко надели резиновую соску и дали козлёнку. И вот он с

жадностью начал сосать. Сосёт, мордочкой подбивает бутылку, крутит чёрным хвостиком и притопывает левой ногой. Ну, точь-в-точь как ягнята сосут свою мать. Насосался, лёг и крепко-крепко уснул.

Слух о том, что я привёз дикого козлёнка, быстро облетел весь посёлок.

Вечером собрались ребята. Смотрят, смеются, и каждому хочется погладить.

Прозвали мы его Васькой. А когда Ваську стали кормить ужином, когда он стал поддавать мордочкой бутылку, крутить хвостиком и притопывать левой ногой, в моём дворе творилось что-то невероятное.

Ребята смеялись, каждому хотелось подержать бутылочку и сказать козлёнку самые ласковые слова. И стал мой Васька любимцем ребят.

С каждым днём он всё набирал и набирал силы. Дней через десять такой шустрый стал да такой игривый! Прыгает, резвится. А потом появились у него рожки. Вначале маленькие показались, как две пуговики, а затем всё больше и больше.

Ребята, играя с ним, приучили его бодаться. Подставят кулак, а он разбежится и как ударит лбом! Очень ему это нравилось.

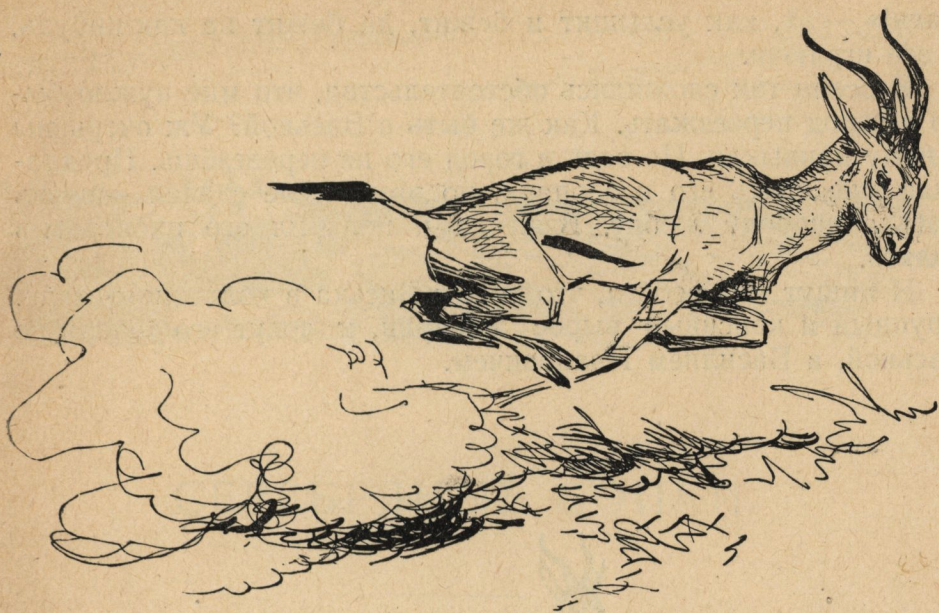
А тут как-то жена делала уборку в квартире и — зачем это ей понадобилось, сам не знаю — сняла зеркало со стены и поставила на пол. Васька тут же крутился. Вот увидел он себя в зеркале, испугался и попятился назад. А зеркальный Васька тоже попятился назад.

Тогда козлёнок недолго думая разбежался да так сильно ударил рогами по зеркальному Ваське, что только стёкла зазвенели.

— Ну, уж это не знаю, что такое! — рассердилась жена.

— Да при чём тут он? — отвечаю я. — Откуда ему знать, что это зеркало!

А один раз пошли мы как-то на озеро. Ну, конечно и Васька с нами.

Вокруг озера такая хорошая зелёная трава, ходит он пощипывает травку, и вдруг видим: уставился Васька на озеро и смотрит в воду, а потом разбежался да, наклонив голову, как прыгнет с разбегу в воду!

«Ну, — думаем, — утонет!» Нет, вынырнул, подплыл к берегу и бегом к нам. Мы сначала не поняли, в чём дело. А оказалось, что он в воде увидел своё отражение, как в зеркале, и тоже решил подраться.

Живёт и растёт Васька. Любим мы его, и он нас любит. Очень ему нравится, когда его чешешь за ухом. Чешешь и приговариваешь: «Вася, Вася! Хороший ты, Вася!» — а он стоит и от удовольствия хвостиком помахивает.

Приучили мы его есть капусту, морковь, картофель. Пойло он пил хорошо и очень любил чистую речную воду.

А ещё степь любил.

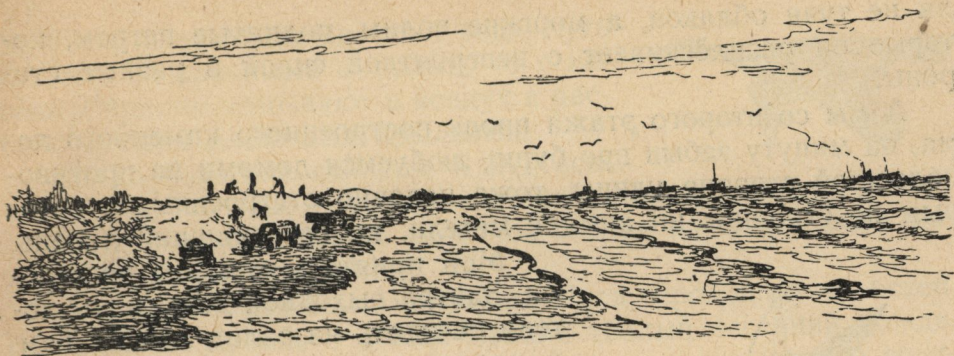
Бывало смотришь — нет Васьки. Пойдёшь искать, а он или пасётся в степи, или лежит. И вот, только крикнешь: «Вася,

Вася!» — эх, как услышит и бежит, да бежит не как-нибудь, а всё играючи.

К осени так сложились обстоятельства, что мне нужно было в город переезжать. Как же быть с Васькой? Уж очень мы к нему привыкли. Но ведь в город его не перевезёшь. Предлагали мне сдать его в зоопарк, но этого я не сделал — очень Васька свободу любит. Взял да и подарил его пионерам в колхоз.

И пишут мне ребята, что живёт Васька в колхозном стаде. Крупный и красивый вырос джейран, и зовут его теперь не Васькой, а Василием Ивановичем.

СЕРЕБРЯНЫЕ СОПКИ

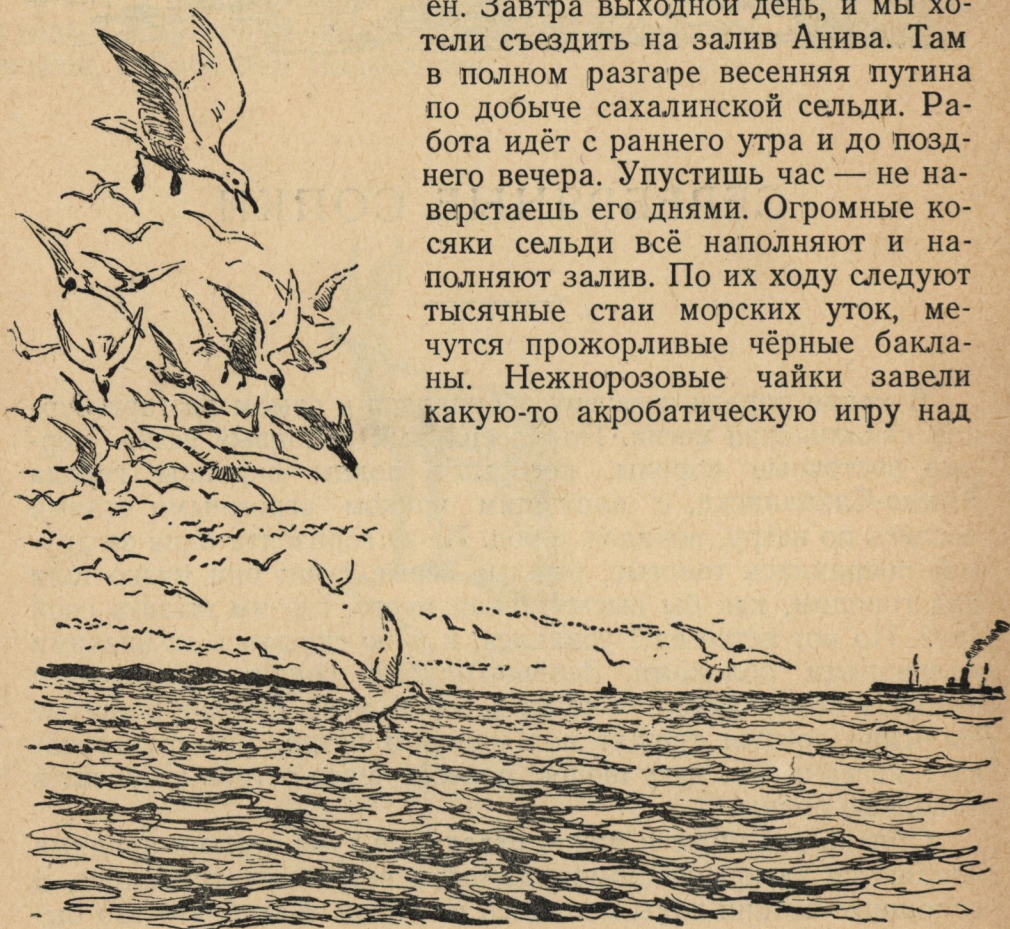
В конце апреля к вечеру оборвалась в самом разгаре бурная сахалинская весна. Подул сильный холодный ветер. Чёрные восточные вороны, которыми полны окраины города Южно-Сахалинска, с плачущим криком огромными стаями неслись по ветру, покидая город. Из-за горизонта одна за другой появлялись толстые, рыхлые серые тучи; они низко шли над городом, как бы высматривая место, где им вылить свой груз. Но вот ветер ещё усилился, и небо скрылось за низкими сплошными облаками. Зелёно-голубые сопки, у подножия которых стоит город, утонули в серой мгле. Лёгкие дощатые японские домики трещат под напором ветра. Вот-вот сорвёт их с места и, как кучу щепок, понесёт через остров и бросит в холодные волны.

Облака всё ниже и ниже; отдельные тучи серыми прядями цепляются за крыши домов. Порывы ветра ещё усилились, и сплошные потоки воды полились на город. Как будто это бы-

ли не тучи облаков, а морские волны, поднятые ветром, которые он расплёскивает с невероятной силой в разные стороны.

А мы со второго этажа вновь построенного каменного дома, на минуту забыв про бурю, любимеся домами на противоположной стороне улицы, тоже недавно отстроенными, которым не страшны ни зимние метели, ни сегодняшний ливень.

Мой приятель немного расстроен. Завтра выходной день, и мы хотели съездить на залив Анива. Там в полном разгаре весенняя путина по добыче сахалинской сельди. Работа идёт с раннего утра и до позднего вечера. Упустишь час — не наверстаешь его днями. Огромные косяки сельди всё наполняют и наполняют залив. По их ходу следуют тысячные стаи морских уток, мечутся прожорливые чёрные бакланы. Нежнорозовые чайки завели какую-то акробатическую игру над

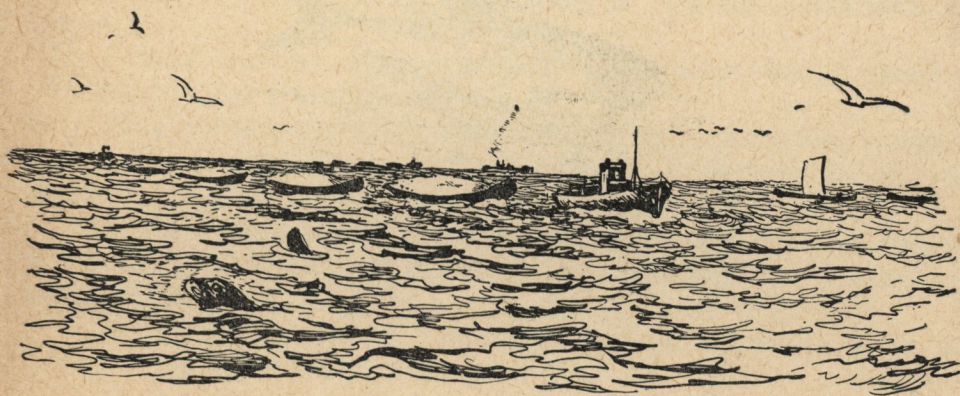
заливом. Они то пикируют к воде, чуть касаясь её красными лапками, то с весёлым криком взмывают в воздух с распростёртыми длинными крыльями.

Залив бороздят сейнеры и кунгасы, таща за собой вако — мешки с десятками тонн сельди. Огромными прямоугольниками цепочкой лежат на глади волн поплавки ставных неводов.

Опасения наши были напрасны. Часа через два утих ветер, прекратился ливень и пошёл мелкий тёплый весенний дождь. А утром как ни в чём не бывало опять ласково светило солнце. Негустой туман поднимался от реки. Пользуясь отливом, река хотела как можно быстрее отдать воду морю и стремительно несла её в залив. Лиственничные сопки покрылись лёгкой зелёно-золотистой дымкой и, кажется, только сегодня выбросили свою первую зелень.

От Южно-Сахалинска до залива Анива тянется прямое живописное шоссе. Слева — зелёными перекатами — поросшие густым лиственничным лесом сопки, с которых бурливо текут горные речки с голубой водой; справа — луга со множеством небольших озёр, да река Сусуя-Гава то подойдёт к шоссе, то

опять где-то далеко спрячется в зарослях ивняка и ольшаника.

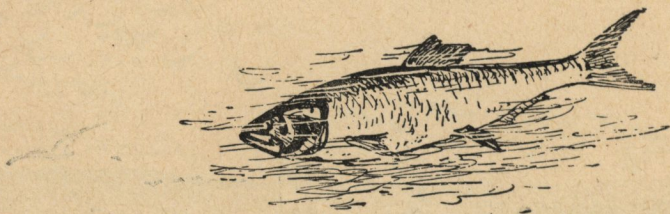
А мы, не доезжая до залива с километр, сворачиваем на просёлочную дорогу в направлении города Анива, чтобы, минуя болото, выехать на песчаный берег — туда, где сейчас сотни рыбаков управляют с сельдью. И вот, только выехали из леса, как зелёно-голубая вода, блестящая в утренних лучах солнца, на мгновение ослепила нас. А впереди, на песчаной отмели берега, что идёт к городу Анива, мы увидели две продолговатые темносеребряные сопки, около которых было много народа, подвод, машин.

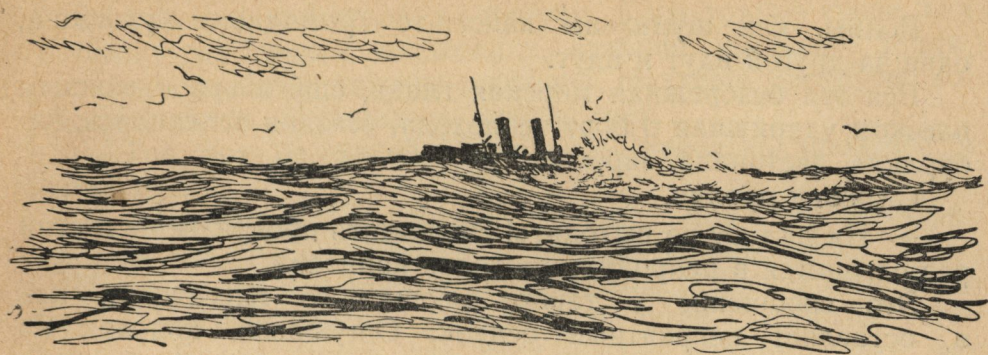
— Что это такое? — спрашиваю я.

— Лёд, — отвечает шофёр Ваня. — Лёд выбросило штормом.

— Скорее всего, лёд, — соглашаемся мы.

Подъезжаем. А на берегу залива, высотой с одноэтажный дом, шириной метров в пятьдесят и длиной метров в триста, лежит уже уснувший косяк сельди. Оказывается, вчера вечером, в то самое время, когда над Южно-Сахалинском бесчинствовал ветер, в заливе Анива штормом выбросило на берег сотни тонн рыбы.

НЕРПЫ СЛУШАЮТ КОНЦЕРТ

Разгневался Татарский пролив. Иссиня-тёмные волны тысячепудовыми глыбами вторые сутки налетают на «Ермака», окатывая палубу.

Шумит пролив. Вспененные волны обгоняют друг друга, и, кажется, каждой из них хочется первой поглотить теплоход.

Стонет пролив, но гордо идёт «Ермак», разбивая своей могучей грудью громады волн.

Мой сосед по каюте, морской офицер, вполголоса напевает.

— А к утру будет полный штиль, — прервав песню, говорит он.

Налетевшая волна с каким-то особенным треском ударила в борт теплохода. Крупные пенистые капли потекли по стёклам каюты.

— Право на борт! — доносится голос капитана, уже сутки не покидающего капитанскую рубку.

Волны, как щупальцы какого-то громадного чудовища, одна за другой идут и идут.

Вся эта безбрежная морская гладь, ещё вчера с нежным плеском ударявшая о борт теплохода, сегодня вспенилась, забурлила, застонала, заревела.

Страшен пролив.

— На палубу не выходить! Экономить продукты! — третий раз слышится в репродукторе голос капитана.

Это сообщение у такого неопытного пассажира, как я, оставляет неприятный осадок. Ощущаешь холодок на спине...

Легче переносить шторм, если берег перед глазами, но куда ни посмотришь, всюду хмурое небо да волны. И на воде и в воздухе как будто ни одного живого существа. Только один «Ермак» вступает в неравный поединок с разбушевавшейся стихией.

Корабельный флаг алым полотнищем плещется над «Ермаком».

За ночь шторм утих.

На другой день я проснулся от частых тревожных гудков теплохода. Качки не было. Гудки начали меня беспокоить: уж не случилось ли чего?

Сосед-офицер объяснил мне, что буря утихла, а мы идём в полосе густого тумана, почему теплоход и даёт протяжные гудки через каждые пять минут. Когда нет видимости, гудки служат сигналом для встречных судов.

С восходом солнца туман рассеялся. Кругом было сплошное поле ломаного льда. Февральское солнце светило особенно ярко, до боли в глазах. В разводьях беспечно плавали морские утки. На льду изредка виднелись нежащиеся на солнце нерпы.

Слева амфитеатром раскинулся южный берег Сахалина. Сопки, поросшие лиственницей, в своём зимнем наряде голубыми пирамидами теснились одна к другой, как бы охраняя какую-то глубокую тайну острова.

Пассажиры высыпали на палубу. Кого только среди них не было: тамбовские колхозники, ехавшие на новые земли, каспийские рыбаки, вятские плотники, шахтёры, лесорубы, военнослужащие... Слышались шутки, смех.

— Так вот он какой, Сахалин! — невольно произнёс я вслух.

— Жемчужина Востока, — говорит мой спутник-офицер. — А увидите его летом — и уезжать не захочется.

Послышался бой московских курантов... Двенадцать часов ночи в Москве, здесь — восемь часов утра. Теплоход остановился. Будем стоять два часа — надо ремонтировать машину.

Кинемеханик теплохода включил радиолу, и начался концерт грамзаписи по заявкам пассажиров. Одна мелодия сменялась другой.

— А теперь, — сказал мой сосед-офицер, — я расскажу вам нечто необычайное. Вы знаете, что здешние тюлени — нерпы — очень любят музыку?

Заметив на моём лице невольную усмешку, он вопросительно взглянул на меня.

— Не верите?

— Видите ли, мне не приходилось никогда...

— Понимаю, — перебил он меня. — Убедиться в некоторых явлениях можно, только лично наблюдая их. Как ни странно, но на охоту за нерпами я хожу с патефоном.

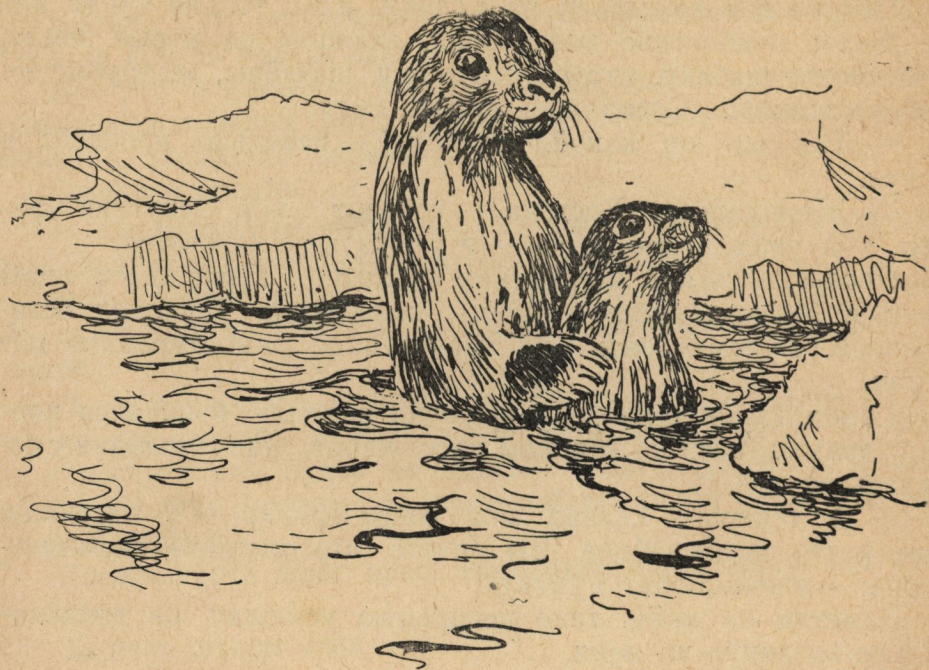
Я не выдержал, рассмеялся. Мне живо представилась картина: идёт какой-то чужак, на плече ружьё, подмышкой патефон, и куда идёт — на охоту! Да разве тут удержишься от смеха!

Собеседник замолчал. Он усиленно курил и смотрел вдаль. Мой смех его обидел. Я постарался сгладить неловкость.

— Простите, — сказал я, — но охота и патефон...

— Я знал, что вы не поверите, — ответил он. — Посмотрите и посчитайте, сколько здесь нерп.

Я стал считать, но оказалось, что это очень трудно: справа,

слева в разводьях — всюду блестящими поплавками показывались головки нерп.

Нерпы двигались на раздававшиеся с «Ермака» звуки музыки, взбирались на лёд. Не выдерживая тяжести, некоторые льдины переворачивались, и нерпы тяжело падали в воду, оставляя за собой сноп серебряных брызг. Другие, опираясь на воду лапами, старались подняться как можно выше и держались столбиком, как огромные суслики. Эти своеобразные любители музыки, появляясь и исчезая, двигались к борту «Ермака».

— Смотрите сюда! — крикнул мой спутник. — Они даже целыми семьями пожаловали к нам на концерт.

В разводье я увидел двух нерп. Одна из них держала в своих лапах маленького нерпёнка, а он таращил свои круг-

лые чёрные немигающие глаза и тыкался головкой в шею матери.

Я быстро раскрыл «ФЭД», но сфотографировать не удалось: они оба погрузились в воду.

— Простите меня, Иван Петрович (так звали моего спутника), ведь я принял ваш рассказ за «охотничий»!

Иван Петрович торжествующе улыбнулся.

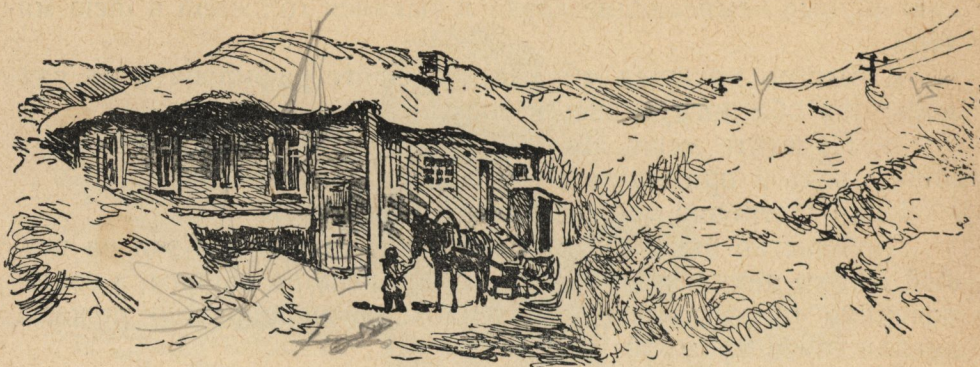
Любопытно было смотреть, с какой ловкостью эти на первый взгляд неуклюжие тюлени взбирались на льдины, а затем, повернув голову в сторону теплохода, неподвижно лежали, наслаждаясь музыкой.

Это зрелище привлекло внимание всех пассажиров.

Кто-то крикнул:

— Смотрите, товарищи, нерпы слушают наш концерт!

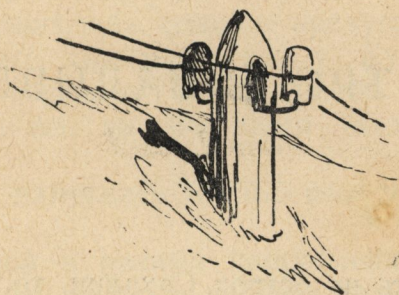
ПОСЛЕДНЯЯ ПУРГА

Отбушевала последняя сахалинская пурга. Двухметровый пласт снега покрыл остров. А около деревень и городских домов надуло сугробы вровень с крышами одноэтажных домов. Снега так много, что нет возможности вывезти его с улиц города. Поэтому вдоль улиц с обеих сторон рядом с тротуаром тянутся в два человеческих роста высотой снежные валы, изредка пересекаемые снежными коридорами: к учреждениям, магазинам и большим домам. Идёшь по мостовой и не видишь, что делается на тротуаре, идёшь по тротуару и не видишь, что делается на мостовой. Отбушевала пурга, спряталась в сопки и теперь любуется оттуда на город со снежными коридорами. А сегодня тихий, чуть морозный солнечный день.

Мы спускаемся с сопки на лыжах к деревне Александров-

ке, но путь нам преграждает телеграфная линия. Из снега всего на полметра торчит телеграфный столб с двумя изоляторами. И мы, как дети, фотографируемся у занесённого снегом телеграфного столба, на фоне торчащих из снега труб деревни Александровки.

А там, где проходит шоссе, два шофёра лопатами разры-
вают сугроб. Они говорят, что в этом сугробе под их ногами
находятся две полутонные машины.

УТРО В ЗАЛИВЕ

Если посмотреть на остров Сахалин, то он очень напоминает собой форму корня женьшеня. Его три мыса, обращённые на юг, образуют два залива. Один большой залив называется залив Терпения. Он расположен между мысом Терпения и мысом Анива и тянется на сотни километров, так что когда идёшь по берегу залива, то не понимаешь, что это залив, и кажется, будто перед тобой Охотское море. Берег его скалистый, крутой, и у самой воды тянется железная дорога.

Другой залив называется залив Анива. Он расположен между мысом Анива и мысом Крильон. Этот залив небольшой, местами с отлогими болотистыми берегами. Залив Терпения — бурный, суровый и глубокий; залив Анива — тихий и мелкий. Вода в заливе Терпения холодная, зелёно-голубая; в заливе Анива вода тёплая, жёлто-зелёная. Залив Терпения славится навагой, залив Анива — сахалинской сельдью. За-

лив Терпения изобилует нерпами, в заливе Анива нерпы появляются редко и в небольшом количестве. По берегам обоих заливов раскинулись богатейшие рыболовецкие колхозы.

Залив Анива — излюбленное место охотников-спортсменов. Промысловые охотники предпочитают залив Терпения.

Мы с другом стоим на берегу залива Анива, в устье реки Сусуя-Гава. Вода подступила уже к самой кромке болота — прилив. Залив спокоен. Над водой туман. Ещё ночь. Слева от нас, весь в огнях, город Корсаков, справа виднеются огоньки города Анива.

В порту Корсаков — силуэты больших океанских пароходов, как бы замерших или спящих предутренним сном. Но вот впереди, где-то далеко-далеко, у Курильской гряды, начинает розоветь горизонт. Туман редет. По заливу пролегла и разделила его на две части, уходящая вдаль дорожка.

По краю берега наметился тёмный ремешок — это начался отлив.

Над самой водой в разных направлениях мечутся стаи морских уток, как бы желая к восходу солнца разогнать туман. А туман всё редет, местами он свёртывается кольцами, неохотно отрывается от воды и тянется к берегу, ища защиты от наступающего дня.

Горизонт — как пламя большого костра. Огни в Корсакове потухли. Туман исчез. Морская гладь светится тысячами разноцветных огней и режет глаза. Но вот «пламя костра» становится меньше, и из воды, чистое и отдохнувшее за ночь, выходит солнце и как бы говорит: «С добрым утром, страна родная!»

«С добрым утром!» — гудят в ответ пароходы.

«С добрым утром!» — заливаются гудки лесопильных заводов и перекликаются между собой лебёдки рыболовецких катеров.

«С добрым утром!» — говорим мы, пожимая друг другу руки.

«С добрым утром, мой мальчик!» — говорит мать, склонившись над кроватью своего сына.

И так в течение восьми часов от Курил и до Балтийского моря страна встречает свой новый трудовой и радостный день.

А отлив всё быстрее и быстрее. Вот вода от нас ушла на сто, на двести, на триста метров... Входим в илистую грязь — почти по колено вязнет нога. Кажется, море выбросило сюда всё не нужное ему. Пачками лежат длинные мясистые ремни морской капусты; беспомощно расплылись громадные розовые медузы; всюду копошатся серо-зелёные крабы, широко раскрывая клещи; лежит камбала и только при прикосновении к ней неуклюже встрепенётся и блеснёт белым животом; как арбузы, лежат темнозелёные стеклянные поплавки, оторванные бурей от рыбацких неводов.

А когда наклонишься к илу, оставшемуся на берегу после отлива, и внимательно рассмотришь его, то увидишь, что он кипит от всевозможных слизняков, червей, пауков и моллюсков.

Вот почему, оказывается, с таким нетерпением утки ждали отлива!

А солнце уже давно оторвалось от горизонта и тоже начало свой трудовой день.

— Как ты думаешь, — спрашивает меня мой друг, — кого это атакуют чайки?

Метрах в трёхстах от нас в воздухе кружит стая чаек. Они с криком пикируют к земле, каждая из них что-то хочет схватить, но тут же взмывает в воздух и опять пикирует. На их крик прилетают новые чайки. Эта картина похожа на весеннюю толчею комаров.

— Не иначе, как лакомая добыча, но не по силам, — отвечает мой друг на свой же вопрос.

— А ну, пойдём!

Мы идём почти по колено в грязи. Морская капуста оплетает ноги. Стаи уток и куличков то и дело поднимаются впереди нас, неохотно покидая богатую жировку.

Но вот всё ближе и ближе место поединка. Часть чаек отделилась от общей стаи и атакует нас. Они кружат над самыми нашими головами впереди и сзади нас, как бы преграждая путь к их добыче.

Наконец добрались. И каково было наше удивление: в небольшой луже лежал маленький нерпёнок, старательно обтирая «лицо» ластами. Казалось, он нисколько не испугался нашего появления.

— Эх ты, приятель, как же ты остался? Пока придёт вода, тебя чайки и те заклюют! — смеёмся мы. — Видишь, какой ты ещё беспомощный... Проспал, наверно, воду-то, вот и обмелело, соня ты этакая!

Я хотел приподнять его, но он в это время так сильно ударил задними ластами, что залил меня всего.

А чайки так и налетают на нас! Но мы на них уже не обращаем внимания.

С большим трудом вытащили мы нерпёнка из лужи на сухое место. Он попытался было бежать, но весь бег его выразился в двух-трёх очень неуклюжих приподниманиях на переднюю и заднюю части туловища. Перевернувшись на спину, нерпёнок начал кричать, тараща свои круглые чёрные немигающие глаза. Крик его был чем-то средним между мычаньем и визгом.

Я погладил его по животу и по голове, и он тут же усиленно стал обтирать ластами живот и голову.

— Давай-ка отправим его в воду, — говорит мой приятель. — Там он в полной безопасности будет, да, возможно, и мать его ещё найдёт.

— Да, но как его донести? — отвечаю я. — Его никак не возьмёшь — ведь он скользкий, как налим.

— А ну-ка, снимай плащ.

— Вот это идея!

Уложили мы нерпёнка на плащ и понесли, а он бьётся, кричит.

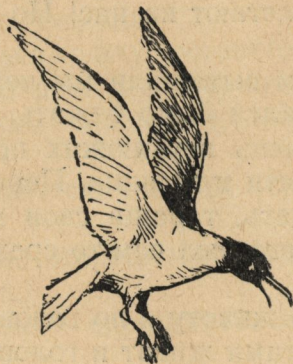
Зашли мы, насколько позволили сапоги, и — по команде «раз, два, три» — бултых его в воду! Через секунду он уже

вынырнул метрах в пятидесяти от нас и радостно крикнул, как бы говоря: «Спасибо за помощь!»

А минут через пять мы увидели нашего озорника плывущим рядом с матерью. Их головы настолько были близко друг от друга, что, казалось, она или журила его за совершенный проступок, или ласкала.

Из-за сопки высоко в небе показалась одинокая стая пролётных птиц.

Справа от нас, где выбросили невод рыбаки, неслась гордая, радостная песня.

СОДЕРЖАНИЕ

Заяц в подтяжках	3
Посланцы весны	8
Скворцы	10
Живое золото	12
Соловьиная песня	16
Две встречи	19
Зорька	25
В Большой Елани	30
Трёхлапый	42
Сухое озеро	46
Кувá и Куку	52
Васька	57
Серебряные сопки	63
Нерпы слушают концерт	67
Последняя пурга	72
Утро в заливе	74

*Для младшего школьного
возраста*

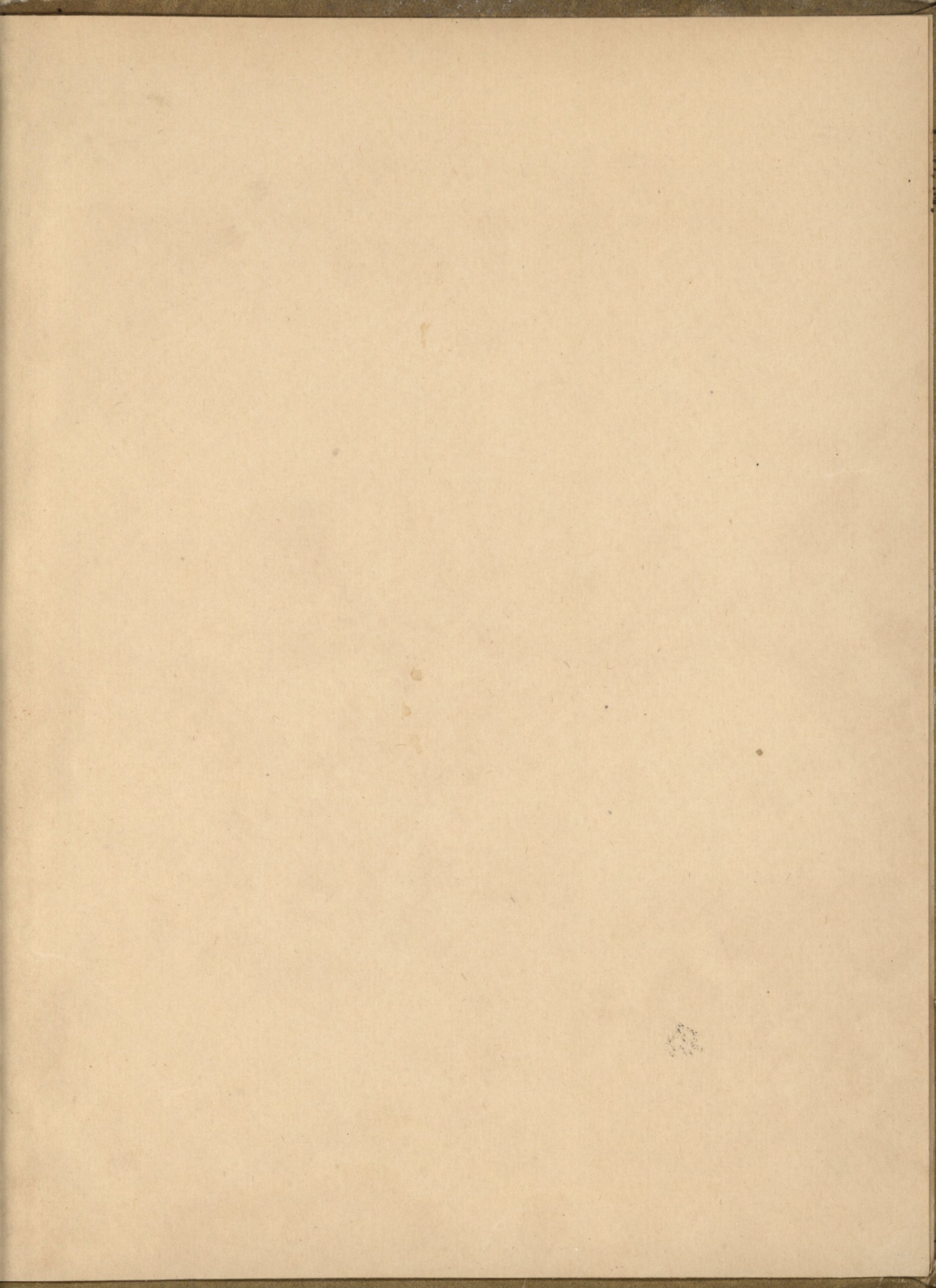
Ответственный редактор
Л. Гульбинская.

Художественный редактор
С. Садомская.

Технический редактор М. Кутузова.
Корректоры
Е. Балабан и Т. Лейзерович.

Сдано в набор 9/XII 1952 г. Подписано к
печати 25/II 1953 г. Формат 70 × 92¹/₁₆—
2,5 бум. = 5,84 печ. л. (3,58 уч.-изд. л.).
Тираж 30 000 экз. А00476. Заказ № 1532.
Цена 2 р. 25 к.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушеvский вал, 49.

Цена 2 р. 25